

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ЗАКАТ СОЗВЕЗДИЯ
БЛИЗНЕЦОВ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Закат созвездия Близнецов

«ЭКСМО»

2004

Леонтьев А. В.

Закат созвездия Близнецов / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2004

Катя Ипатова и не предполагала, чем обернется для нее случайная встреча в университетском коридоре с отцом бывшего одноклассника Германом Вараввой. Этот местный мафиози измучил ее назойливыми знаками внимания, хотя Катя ясно дала понять, что не собирается становиться его любовницей. А кончилось все совсем плохо – Варавву убили прямо на глазах у девушки. После этого жизнь Кати понеслась под откос: жена мафиози мстит ей, считая виновной в гибели мужа. Вначале Катю объявили воровкой, потом не дали поступить в аспирантуру. Тогда она, отчаявшись, решила наняться помощницей по хозяйству в немецкую семью, а затем продолжить учебу в Германии. Закончилась Катина карьера плачевно: она оказалась на улице, ночью, в чужой стране, без денег, с одним небольшим чемоданом. Этот самый чемодан круто изменил ее судьбу; из найденных за подкладкой писем матери Катя узнала, что у нее приемные родители, а настоящих надо искать именно здесь, в Германии...

© Леонтьев А. В., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Гамбург,	5
Шверин, ГДР, 8 ноября 1982 года	7
Волгоград, Россия, февраль 2002 года	17
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Антон Леонтьев

Закат созвездия Близнецов

*Алексею Семенову и его сводной сестре
Катерине, а также их родителям (русским и немецким),
пережившим невероятные
события, которые навеяли сюжет этого романа, с восхищением
посвящается.*

*Вы – мои самые лучшие и любимые друзья!
– Ах, у меня сплошной стресс! Нет времени ни на детишек, ни на
мужа, не говоря о домашнем хозяйстве! Ни свободного часа на солярий,
фитнес и салон красоты!
– И у меня то же самое.
– У меня даже нет по утрам времени, чтобы выгулять собачку!
– Послушай-ка, пусть твой муж займется всем! Вау, у меня
великолепная идея! Лучшие попробуй с Au Pair! Au Pair</K>, подробно
объясняется в тексте романа.>. У тебя не будет больше никаких
проблем, и не нужно будет напрягаться.
– Чудненькая идея, дорогая! Я сейчас же поищу в Интернете
информацию об этом!
(Из разговора двух дам среднего возраста в гамбургском кафе)*

Гамбург, 4 сентября 200... года

Когда часы гулко пробили половину восьмого, раздался тревожный и настойчивый звонок. Прислуга по случаю трагических событий была в бессрочном отпуске, в особняке остались только три человека – Ева, Катя и адвокат.

– Я открою, – сказала Ева и прошествовала к двери. За оградой ее ждали комиссар криминальной полиции Гамбурга Эльке Шрепп, ее помощник Йохан Пилярски и еще двое полицейских в зеленой форме.

– С кем имею честь? – спросила комиссарша. – Ага, госпожа Ван Райк. Надеюсь, вы нам скажете, где находится госпожа Екатерина Ипатова? Она на вилле? Чудесно!

Эльке широким шагом направилась к особняку, миновала многочисленные комнаты и оказалась в кабинете покойной Герлинды. За свою долгую карьеру в полиции ей приходилось множество раз арестовывать подозреваемых в совершении убийства. Что ж, сегодняшний день, четвертое сентября, не станет исключением. Вот она, Катерина Ипатова, облаченная в светлые джинсы и красный пуловер.

– Госпожа Ипатова? – на всякий случай осведомилась Эльке и, получив утвердительный ответ, заявила, протягивая Кате документ, который сразу же перехватил адвокат Маркус Гольдберг.

– У меня имеется ордер на ваш арест по обвинению в преднамеренном убийстве госпожи Герлинды Ван Райк, которое произошло первого сентября сего года. Прошу, ознакомьтесь с бумагами.

Эльке никогда не спешила с задержанием преступника, если того, конечно, не требовала ситуация. Но Катя и не думала сопротивляться. Наоборот, услышав слова комиссара, она побледнела, затем пробежала глазами постановление на собственный арест.

«Не может быть, это ошибка, страшный сон», – бились в голове у Кати мысли. Она взглянула на Шрепп, собранную, подтянутую, похожую на приготовившуюся к прыжку пантеру. Перевела взгляд на адвоката Маркуса Гольдберга. Тот чеканным голосом заявил:

– Документ в полном порядке, госпожа Ипатова. Думаю, вам надо подчиниться закону. Уверю вас, самое позднее завтра вечером вы выйдете под залог, я лично займусь этим. И до суда вы останетесь на свободе.

До суда... Значит, ее будут судить. Еще бы, ведь все они думают, что она отравила Герлинду. Но это не так! Катя любила Герлинду, она никогда бы и ни за что не посмела причинить ей вред. Неужели они решили, что она пошла на преступление ради денег, которые Герлинда завещала ей и Еве? Это же абсурд! Ее снова обвиняют в преступлении, которого она не совершала. Как когда-то в Волгограде... Но тогда все оказалось гораздо проще и безобиднее. А сейчас все эти люди думают, что именно она совершила жестокое и подлое убийство пожилой дамы.

Катя перевела взгляд на Еву. Та, бледная и напряженная, стояла около двери. Катя вдруг почувствовала, что к горлу подкатил комок. Она бросилась прочь из кабинета.

– Пропустите ее, – распорядилась комиссар Шрепп, обращаясь к полицейским. – Ей надо в ванную комнату.

Эльке почувствовала даже некоторую жалость по отношению к Кате. И легкую симпатию. Нет, такие чувства надо гнать! Она – представитель закона. Катя скрылась в расположенной рядом ванной комнате. Она склонилась над раковиной, пустила воду.

Когда-то она вот так же стояла перед умывальником в туалете гостиницы «Волгоград», в зале ресторана ее ждал Герман Петрович. А через час его не стало. И вот снова – смерть... И ее обвиняют в убийстве! Что же делать? Единственный выход – бежать! Она должна скрыться, и немедленно! И тогда все проблемы исчезнут сами собой.

Беги, Катя, беги!

Шверин, ГДР, 8 ноября 1982 года

Моросил мелкий дождь. Кутаясь в тонкий шелковый халат, Ютта с унынием смотрела на многочисленные лужи на черном и блестящем от воды асфальте. На душе у нее было как-то тоскливо. Но отчего?

Она с беспокойством взглянула на свою дочку, которая мирно посапывала в кроватке. Ева, ее дитя, которое она любит больше жизни. Но если бы Ева знала, какую тайну скрывает ее мать... Ютта закусила губу и снова уставилась в окно.

Господи, как же здесь однообразно и беспросветно! Или ей это только кажется? Вдали виднелся черный и пугающий силуэт шверинского замка, где в былые времена обитали герцоги, а теперь, по слухам, водились привидения... Голые деревья, похожие на скелеты, и дождь, дождь, дождь, который барабанит по крышам, лупит по асфальту, струится по стеклу и сводит с ума!

На улице Ютта заметила Егора, который в спешке направлялся к ее дому. Но он же сказал, что придет только завтра. Так почему же сейчас практически бежит к ее дому? Было восьмое ноября 1982 года, вчера русские отметили очередную годовщину своей революции. И Егор сегодня, он сам об этом говорил, должен присутствовать на торжественном собрании, посвященном славным событиям 1917 года.

Но вместо этого он здесь! Впрочем, сейчас только семь утра. Рассвет даже не тронул темную синеву, клубившуюся за окном. Ютта ведь чувствовала, что он придет. Егор – мужчина, который дал ей возможность ощутить себя любимой и любящей женщиной. Он старший лейтенант, военный переводчик, выпускник одного из лучших вузов Советского Союза.

В прихожей звякнули ключи, Ютта бросилась в коридор. Ее возлюбленный стаскивал мокрый бушлат. Его лицо, обычно улыбающееся и приветливое, сегодня было мрачным и полным тревоги.

– Здравствуй, милый, – сказала Ютта по-немецки вполголоса. – Что-то случилось?

Егор быстро поцеловал ее, Ютта ощутила его напряженное дыхание. Он ничего не ответил, прошел в комнату, взглянул на спящую Еву.

– Тебе придется разбудить ее и собрать, – произнес он тихо. – У нас мало времени.

– Но в чем дело? – снова спросила Ютта. Тревога, как змея, закралась ей в душу. Она никогда еще не видела Егора в таком состоянии. Впрочем, что она знает о нем? Советский офицер, служащий в Шверине в одной из многочисленных дивизий, которые расквартированы на территории Германской Демократической Республики. Ютта никогда не интересовалась вопросами политики, она давно поняла, что лишний интерес может быть опасен.

Егор взял ее за руку и потащил за собой на маленькую кухоньку. Там, плотно закрыв дверь, он включил чайник, уселся на табурет и произнес:

– Мы когда-то говорили о том, что в случае необходимости... В общем, настала пора уносить отсюда ноги.

– Я не понимаю, – прошептала Ютта. – Егор, что ты имеешь в виду? Тебя переводят из Шверина? Или ты уезжаешь обратно в Союз?

Она уже давно исподволь готовилась к тому, что Егор рано или поздно уйдет от них с Евой. Еще бы, ему нет и двадцати пяти, она старше его на три года. Хотя... У нее есть Ева. Его дочь... Но Егор не знает правды. Никто, за исключением двух человек на всем белом свете, не знает всей правды. И никогда не узнает – Ютта в этом совершенно уверена.

– Ни то и ни другое, – ответил Егор. Затем, подойдя к узкому окну, он уперся лбом в стекло и замолчал. Ютта обняла его. И почувствовала, как он дрожит. Но что же все-таки случилось? Она знала, что Егор – мастак попадать в нехорошие истории. Неужели и в этот раз...

– Ютта, я же сказал, нам пора, – он обернулся и поцеловал ее. Засвистел старый чайник, Ютта бросилась к плите и сняла его.

– Сегодня, точнее, сейчас, мы должны уйти через границу в ФРГ, – твердо произнес Егор. – Ты, я и Ева. Мы втроем. Как можно быстрее, времени на размышления нет. За мной должна начаться охота в любую минуту. Наверное, меня уже ищут. Так что буди Еву, бери документы и деньги – и вперед! Никаких вещей, никаких сумок, это может вызвать подозрения. Это наш единственный шанс.

Ютта, как подкошенная, рухнула на табурет. О чем он говорит? Неужели он и в самом деле собирается бежать в ФРГ? Всем известно, что в нескольких десятках километров от Шверина проходит государственная граница, которая разделяет два немецких государства – Германскую Демократическую Республику и Федеративную Республику Германия. Этот факт был поводом для множества анекдотов и «страшных историй». Ютта знала, что раз в несколько месяцев кто-то обязательно пытался перебраться из страны народной демократии на загнивающий Запад. У кого-то это получалось, но чаще – нет. Этих неудачников или ловили, а потом судили, навешивая большие сроки, или... Или их никто и никогда более не видел живыми, только газеты и телевидение триумфально сообщали о том, что провалилась очередная попытка пересечь государственную границу, а нарушитель понес заслуженное наказание. Это значит – убит... Ходят слухи, что народное правительство в Берлине уже давно издало секретное распоряжение, согласно которому всех, пытающихся уйти в ФРГ, надлежит намеренно отстреливать, сразу открывая огонь на поражение. У Ютты была когда-то знакомая семья, которая недобрым зимним вечером попыталась прорваться в ФРГ. Итог был печальным – родителей убили, а двух детей отправили в детдом. Впрочем, бывали и случаи, которые увенчались успехом.

– Егор, почему? – Ютта обхватила голову руками. – Почему, скажи мне, мы должны бежать?

Егор облизнул сухие губы и ответил:

– Я тебе все объясню потом. Ты же говорила, что у тебя где-то в северной Германии есть тетка. Так что не пропадешь. Таким, как ты, в ФРГ сразу дают гражданство. И помогают устроиться...

Он замолчал, а затем добавил:

– Нельзя мне тут оставаться, понимаешь, нельзя! Уже четверть восьмого, к восьми рассветет, а значит, и его найдут.

– Кого? – испуганно спросила Ютта, не желая понимать, о чем говорит Егор. Но вместо ответа он решительным шагом покинул кухню и направился в спальню, чтобы разбудить трехлетнюю Еву.

Если бы Ютта знала, что произошло на самом деле! Егор сразу понял, что единственная возможность избежать военного трибунала – это побег. Правда, если его поймают... Если их поймают... Он очень любил Ютту и ее дочку. Их дочку! Ева, мышка-малышка, его любимая крошка... Он не оставит их в Шверине, потому что если его план не увенчается успехом, то расплачиваться за его преступление будут также Ютта и Ева.

Егор Селуянов всегда был склонен к авантюрам. Он – военный переводчик, знает в совершенстве немецкий и шведский. Потому он и оказался в ГДР, сначала во Франкфурте-на-Одере, затем здесь, в Шверине.

Старший лейтенант Егор Селуянов мог бы вполне благополучно вернуться в итоге на родину, где продолжил бы служить, если бы не...

Слишком много случайностей сплелись в единый клубок. Ютта, которую он полюбил с первого взгляда. Ему не помешало и то, что она считалась в Шверине «девушкой легкого поведения». Да, он знал, что к ней наведывались некоторые из советских офицеров и немецких граждан, дабы весело провести время. Но все это прекратилось, как только он познакомился

с ней. Высокая, красивая, светловолосая, похожая на Маргариту из «Фауста» или Брунгильду из «Кольца Нибелунгов». Настоящая немка... Она тоже полюбила его, и Егор ей верил.

У нее была дочь, Ева. Егор обожал малышку и стал считать ее своей собственной дочерью. Кто был отцом девочки, Ютта предпочитала не говорить, а Егор и не настаивал.

Все бы могло быть в порядке, если бы не майор Лобойко. Этот педантичный садист помещан на торжестве социализма и правильности коммунистического учения. И в его руках сосредоточилась реальная власть – ведь Лобойко являлся замполитом, занимался пропагандой, имел прямой выход на Москву и частенько хвастался тем, что он свой человек в КГБ.

Майора Лобойко боялись даже те, кто был выше его званием. Он мог любому, будь то полковник или генерал, устроить ад на земле. Майор был мастером интриг, анонимок, муштры и оголтелой пропаганды коммунистических идей.

Но и у него, как у любого человека, была своя ахиллесова пята. Майор любил азартные игры. И в нем Егор нашел родственную душу. Под прикрытием Лобойко, с ведома некоторых высоких военных чинов и при активной помощи Егора, знавшего в совершенстве немецкий, в расквартированной в Шверине 94-й дивизии второй танковой армии процветали азартные игры. Разумеется, и солдаты, и офицеры всегда поигрывали в карты, однако именно благодаря таланту Егора и власти майора Лобойко было организовано подпольное казино, настоящий игорный дом, шверинский Лас-Вегас, как любил прихвастнуть майор. На самом деле, конечно, не было никаких зеленых столов с рулеткой, «одноруких бандитов» и длинноногих девиц, подающих на серебряных подносах выигранные деньги. То, что гордо именовалось «казино», располагалось в трех обычных квартирах в разных районах Шверина и тщательно охранялось. Туда приходили и советские офицеры, и рассчитывавшие на фортуна немцы, толковую агитацию среди которых проводил Егор. Соседи даже не подозревали, что в квартире напротив идет крупная игра на деньги.

Это были большие деньги, львиная доля их шла в карман к замполиту Лобойко, его высоким покровителям, а также кое-кому из шверинских властей, которые взамен закрывали глаза на нарушение общественного порядка. При этом ретивый майор продолжал, как ни в чем не бывало, привлекать к ответственности тех солдатиков, которые мирно резались в карты. Многие знали, что майор является покровителем подпольной игры, но никто не рисковал идти против могущественного замполита и его высокопоставленных друзей.

Никто – кроме Егора Селуянова. Он ведь с самого начала понимал, что аппетиты у Лобойко будут только разгораться, рано или поздно это приведет к ссоре и разрыву отношений. И тогда-то злопамятный замполит и употребит все свои связи, чтобы покарать Егора. Рано или поздно...

И вот это произошло. В ночь с седьмого на восьмое ноября. После тягостной лекции, праздничного офицерского застолья и особо прибыльной ночи, которая принесла небывалый доход, Егор оказался на квартире у замполита, чтобы получить законные двадцать процентов. Сначала его доля была двадцать пять, а неделю назад стала – двадцать. Егор понимал, что Лобойко теряет чувство реальности, но кто бы мог сохранить хладнокровие, когда за одну ночь зарабатываешь состояние?

Квартира у Лобойко была обставлена по-буржуазному, среди хрустально-фарфорового великолепия явным диссонансом смотрелись портреты Ленина и Брежнева. Майор был вдовцом, и Егор знал, что он позволял себе иногда устраивать вылазки в квартал Шверина, где негласно обитали «ночные бабочки».

Егор принес сборы со стола казино, которое контролировал. Лобойко, уже порядком надравшийся, сидел за круглым обеденным столом из мореного дуба, над которым сиял старинный абажур, и подсчитывал мятые купюры, лежавшие перед ним. Хобби майора был антиквариат, по выходным он пропадал на «блошиных рынках», приобретая диковинные и раритет-

ные вещицы. Кое-что он весьма выгодно переправлял в Союз, большая же часть хлама оседала у него в трехкомнатной квартире.

– Ага, принес деньги, – гаркнул Лобойко, который сидел на обитом малиновом бархатом кресле, не иначе как перекупленном у какого-нибудь зрителя музея, и алчно взирая на купюры, устилавшие поверхность стола. – Сегодня мы побили рекорд, – сказал он. – Надо же, как немцы банкуют! Да и наши тоже хороши. Ну ладно, сколько у тебя?

Егор вынул из кармана завернутые в газету деньги, долю от большой игры в подпольном казино на севере Шверина. Лобойко с жадностью набросился на новую наличность.

– Что-то маловато, – заявил он. – Егор, я давно уже подозревал, что ты меня обманываешь. И вообще, двадцать процентов для тебя много, обойдешься и пятнадцатью. А лучше – десятью.

– Аркадий Михайлович, – произнес Егор. – Побойтесь бога, какие пятнадцать, какие десять, вы же сами говорили, что у нас равные права, а я теперь получаю только двадцать процентов... И потом, это моя идея с подпольными казино.

– Я бога не боюсь, Селуянов, – окинув его мутным полупьяным взглядом, проскрипел майор Лобойко. – Потому как его не существует. И ты мне тут зубы не заговаривай, ишь чего, ему захотелось справедливости! Согласен, идея была твоя. Но если бы я не организовал прикрытие, не подмазал нужных людей, то где бы ты оказался со своей идеей? Верно, Селуянов, в тюрьме. Запомни, старлей, я здесь главный – и по званию, и по статусу. Так что будешь получать теперь десять процентов. Тебе хватит на твою немку-шлюшку, а вот мне требуется для коллекции много денег, – и Лобойко обвел рукой вокруг.

Кровь бросилась в лицо Егору. Майор уже несколько раз позволял себе грязные намеки в адрес Ютты.

– Что вы хотите этим сказать, товарищ майор? – спросил Егор, подходя к Лобойко. Тот, развернув газетный сверток, начал пересчитывать купюры.

– Отстань, – поморщился Лобойко, – сосредоточиться мешаешь. И что ты из себя святого строишь? Не знаешь, что ли: твоя баба путается со всеми кому не лень? Да с ней до тебя полдивизии переспало, и после тебя другая половина в ее постели побывала. И я Ютту трахал грешным делом...

Егор бросился на майора, вышиб из-под него кресло и, схватив замполита за отворот халата, прохрипел:

– Что ты мелешь, она мне верна...

– Но, но, но! – Лобойко оттолкнул Селуянова. – Ты что себе позволяешь, придурок! Смотри, еще раз так сделаешь, я тебя на гауптвахту посажу! Ютта твоя – немецкая потаскушка. Это всему Шверину известно. Смотри, сожительство с немкой может иметь для тебя самые негативные последствия, если я сообщу об этом куда следует. Ее все поймали – и я, и еще человек триста. Она что, задурила тебе голову сказками о вечной любви? И ты, идиот, поверил? Так ведь она идеологический враг, а ты попал в ее сети! И деньги на нее и ребеночка тратишь. Лучше бы, как я, покупал непреходящие ценности. Эх, Селуянов, Селуянов... Жаль мне тебя.

Майор, который по причине получения небывалого барыша пребывал в отличном и незлобивом расположении духа, придвинул к столу опрокинутое музейное кресло и снова принялся за подсчет финансов.

Егор почувствовал, как гнев застилает ему разум. У него уже несколько раз случались подобные припадки неконтролируемой ярости. Сидит перед ним этот лицемер, корчит из себя поборника морали и цинично оскорбляет Ютту и Еву.

Пальцы майора мелькали над столом, перекладывая разношерстные банкноты в пачку к уже подсчитанным. Лобойко, увлеченный процессом, не заметил, как над ним навис Селуянов. Егор схватил тяжелый бронзовый подсвечник и ударил им майора по голове. Тот, как мешок, повалился на дорогой ковер. Селуянов еще раз ударил Лобойко острым выступом подсвечника.

Затем отшвырнул канделябр в сторону. Надо же, он выполнен в виде обнаженных танцующих женщин. И где только такой майор откопал? Боже, что Егор натворил? Убил ненасытного мерзавца, но тот все же был майором Советской Армии. Егор склонился над Лобойко. Нет, не дышит. Ну что же ему теперь делать?

Ярость, которая ослепила его на десять секунд и привела к непоправимым последствиям, испарилась без следа. Страх пронзил Селуянова холодными и острыми стрелами. Он слышал, как часы в соседней комнате гулко проббили половину седьмого, затем раздалась приятная старинная мелодия – то ли полонез, то ли менуэт, – которая совершенно не соответствовала моменту. Уж лучше бы похоронный марш...

Егор пришел в себя, снова склонился над майором. Все лицо замполита было залито кровью, Лобойко не шевелился. «Так и есть, я его же сначала по черепу, а затем в висок двинул бронзовой шутовщиной, – подумал Селуянов. – Сдох, туда ему и дорога».

Страх вдруг исчез, мысли в голове Егора защелкали, как арифмометр. Деньги, тут на столе никак не меньше десяти тысяч марок. Он нашел пластиковый пакет из супермаркета, стал сгребать банкноты, небрежно запихивая их в мешок. Некоторые из бумажек приземлились в луже крови, которая натекла из разбитого черепа майора, Егор поднял пропитавшиеся кровью купюры и положил в пакет. Не пропадать же добру!

Бежать, бежать, надо бежать! Лобойко обнаружат самое позднее сегодня днем, когда коллеги, встревоженные его исчезновением, заявятся к нему на квартиру. Егор вздохнул – он оставил столько следов, но нет времени стирать отпечатки пальцев, да кровавые следы везде, он попал ботинком в кровавую лужицу... Все равно ему не удастся отвести от себя подозрение, есть люди, которые знают о его роли в подпольном казино. Не сегодня, так самое позднее – завтра его арестуют. И что тогда?

Лишат офицерского звания, а до того военный трибунал приговорит его к длительному сроку, дадут лет эдак пятнадцать-двадцать. Еще приплетут антисоветские высказывания, сделают изгоем.

Значит, остается только один выход – побег на Запад. Сейчас же надо бежать к Ютте, приказать ей одеться, прихватить документы, собрать девочку – и вперед. Местные жители замечают в первую очередь своих же, немцев, к русским в военной форме они привыкли, за ними не следят, о них не докладывают. Они с Юттой доберутся на автобусе до городка Гадебуш, оттуда всего пару километров пешком до пограничной зоны. Он же столько раз был на границе, знает их порядки. Они смогут уйти! Смогут!

И – прощай наказание за смерть стяжателя Лобойко. Егор осмотрел комнату, открыл резной ларец, вытащил оттуда еще одну пачку денег – на этот раз западнонемецких марок и американских долларов – и несколько сверкающих побрякушек. На первое время им хватит. И вообще, к чему ему эти разноцветные гэдээровские фантики, они в Западной Германии не в ходу. Хотя нет, надо сохранить...

Так Егор и оказался у Ютты. Она без слов поняла, что случилось нечто непредвиденное и страшное. Поэтому, перестав терзать Селуянова вопросами, она разбудила Еву. Девочка, еще сонная, закапризничала, Ютта стала ее уговаривать, поцеловала, и Ева успокоилась.

Спустя десять минут они были готовы. Егор велел взять корзинку для пикников, чтобы создать видимость: они якобы собрались в гости или совершают вылазку на природу. Ютта пыталась заикнуться, что в такую погоду – дождливую и холодную – никто не пойдет на пикник в лес, да тем более в самой близости от границы, но Егор ее не слушал.

Оружие было у него при себе. Отправляясь в подпольное казино, он всегда держал в кармане пистолет. Теперь он ему пригодится. Ютта, одетая в темно-синюю куртку с капюшоном, внезапно заплакала. Егор обнял ее и попытался успокоить.

– Я боюсь, – зашептала Ютта. – Они ведь могут нас поймать или подстрелить. И что тогда? Егор, нам точно надо бежать?

– Нас никто не поймает, – сказал, как отрезал, Селуянов. – У тебя там тетка, она вас приютит. Тебя и девочку. Со мной будет сложнее. Ты же все-таки немка, а я – советский офицер. Мне обязательно пришьют шпионаж или что-то подобное. Ну ладно, чему быть, того не миновать.

– И мы больше никогда не вернемся в Шверин? – вдруг забеспокоилась Ютта. – Я хочу, Егор, увидаться с Ипатовыми. С Дашей Ипатовой, она моя подруга...

– Да забудь о подругах, – прервал ее Егор. – Не время теперь. Пошли!

Ютта, закусив губу, чтобы не расплакаться, покорно вышла из квартиры, по привычке закрыла дверь на два оборота и положила связку в карман куртки. Хотя зачем ей ключи от квартиры, в которую она не собирается больше возвращаться? Егор не знает, конечно, не знает. Никто не знает, только она и Даша Ипатова. И никто никогда не догадается. Но если она покинет Шверин и перейдет через границу, то получается, что никогда не сможет увидеть ее. Ее... Егору нужно во всем признаться, она не может ее бросить!

Но Ютта поняла, что ей не хватит нескольких минут, чтобы рассказать все, что с ней произошло. С ней и с Дарьей Ипатовой. Егор может не понять ее. Она и сама не понимала, почему решила тогда на такой шаг. Но это произошло совсем в иные времена, Егора не было рядом, она пребывала на грани отчаяния. Сейчас она ни за что не рискнула бы пойти на такое.

Ну что ж, Егор прав. Чему быть, того не миновать. *Komme, was es wolle*. Значит, так и суждено было случиться. Ютта уйдет, а <I>она</K> останется.

Они подошли к остановке. Занимался хмурый рассвет. На улице почти никого не было. Только несколько фигур покорно трусили за собаками. До очередного рейса в сторону Гадебуша оставалось целых двадцать минут. Все это время Егор молчал, о чем-то размышляя. Ютта, прижав к себе Еву, старалась ни о чем не думать. Девочка хныкала, Ютта машинально отвечала на вопросы дочери, даже не понимая, чего именно та хочет. Ева, у нее есть Ева! Она не должна забывать об этом! Она не имеет права!

Автобус подошел точно по расписанию. В салоне было всего несколько человек, водитель взглянул на новых пассажиров, однако форма советского офицера его успокоила. Русские, которые управляют теперь по всей стране, имеют право ездить куда захотят. Рядовой житель ГДР не смог бы просто так сесть в этот автобус и проехаться до границы, водитель сообщил бы о подозрительном типе куда следует, и на конечной остановке его бы уже ждали. А вот русские – они тут хозяева, потом проблем не оберешься, если заподозришь такого в чем-то неблагоприятном. Но женщина с ним, пожалуй, немка. Ага, у них корзинка, так и есть, у советских вчера был праздник революции, едут к кому-то в гости. Водитель потерял интерес к Егору и Ютте.

Они расположились на заднем сиденье. Их путешествие длилось три четверти часа. В Гадебуш они прибыли в полном одиночестве.

Дождь усилился, но это было им только на руку. На улице никого, значит, согладатаи, которые могли бы засечь их, тоже сидят в теплых и уютных домиках, а не шляются по округе. Егор знал особый маршрут – их на всякий случай должны видеть как можно меньше немцев. Окольными путями они вышли к редколесью, затем, ступая по мокрой прелой листве, отправились в сторону границы.

Ева раскапризничалась, она хотела есть. Селуянов подхватил девочку на руки, и та немного успокоилась. Она обожала Егора. Надо же, думала иногда Ютта с затаенным беспокойством, девочка пошла вся в нее, так же сизмальства тянется к мужскому вниманию. Если бы на руки Еву взял не Егор, а она, Ютта, то дочка не успокоилась бы, а тут, надо же, затихла и, кажется, вообще прикорнула на плече у Селуянова.

Ютта шла за Егором, они пробирались по лесу, впереди уже виднелся просвет. Так и есть. Граница! Примерно за пятьдесят метров до нее Егор повернулся к Ютте, отдал ей заснувшую Еву. Тихо велел, чтобы Ютта ждала его, а сам отправился вперед. Если его сейчас и задержат, то он будет один. Он – советский офицер, имеет право находиться в пограничной зоне.

Егор осторожно вышел из леса. Граница представляла собой два ряда обыкновенной сетки-рабицы высотой чуть больше двух метров, между этими рядами проходила полоса утрамбованной земли, по которой обыкновенно курсировали гэдэровские пограничники. Селуянов осмотрелся. Никого поблизости нет. Он махнул Ютте, и та вместе с Евой направилась к нему.

– Корзину могла бы оставить в лесу, – сказал Егор. – Она нам не понадобится. За второй сеткой – территория Западной Германии. Как только мы окажемся там, то будем вне досягаемости для восточных немцев. Ты с Евой пойдешь первой. Будь готова к тому, что там тебя задержат пограничники, но ничего не бойся, Ютта. И запомни – я тебя люблю! Что бы ни случилось!

Он поцеловал ее, и Ютта снова начала плакать. Проснулась Ева, которая, уловив тревогу и опасность, вслед за матерью стала лить слезы. Егор поторопил их. Ютта неуклюже перелезла через сетку, затем Егор подал ей девочку. Ему вдруг показалось, что он слышит голоса. Селуянов перелез через первую сетку. Затем помог Ютте преодолеть вторую преграду. Ева начала громко кричать, девочка явно боялась. Дождь, холодный и резкий, хлестал по лицу. Егор снова передал девочку Ютте, которая находилась уже по ту сторону границы, в ФРГ.

– Немедленно в лес, – он кивнул на рощу, начинавшуюся в нескольких десятках метров от границы. Их пальцы встретились. Ютта всхлипнула. – И запомни, что я тебе говорил. Ничего не бойся. И требуй немедленно найти свою тетку.

– Егор, быстрее, прошу тебя, – заговорила Ютта. Селуянов прикрикнул на нее, и та, подхватив кричащую Еву, бросилась к лесу. До свободы было всего несколько шагов. Ему важно знать, что с Юттой и Евой все в порядке. Егор схватился за сетку.

– Стоять! – услышал он окрик. Егор понял, что пограничники здесь. Он ощущал их затылком. Но это не спасительные, западные, а те, что стреляют на поражение, восточные.

Егор перемахнул через последнюю преграду. Он приземлился на мокрой и пожухшей траве уже в ФРГ. Так и есть, с той стороны границы к сетке бегут несколько пограничников, один из них срывает автомат...

Селуянов пригнулся, раздалась короткая очередь. Ютта, которая находилась под защитой деревьев, видела, как Егор упал. Она вскрикнула и затаилась за низкой елью. Ведь могут попасть и в нее. И в Еву. Но что с Егором, он не может умереть, он не имеет на это права – здесь, на свободе!

– Стреляй, стреляй в него! – командовал один пограничник другому. – Эта тварь не должна уйти! Черт возьми, ну давай же!

Ноябрьскую тишину пронзила еще одна автоматная очередь. Ютта отвернулась и, не разбирая дороги, помчалась прочь. Она не помнила, как долго бежала, когда перед ее глазами замелькали люди в темно-зеленой форме. Пограничники ФРГ.

– Остановитесь! – крикнул один из них. Ютта подчинилась. Коренастый усатый дядька приблизился к ней. Он видел перед собой обезумевшую от ужаса женщину с растрепанными светлыми волосами, прижимавшую к себе плачущую малышку.

– Я из ГДР, – прошептала Ютта, чувствуя, что вот-вот упадет в обморок. – Он там, Егор! Помогите ему, умоляю! Они его ранили. Они...

– Успокойтесь, – произнес второй пограничник, молодой мужчина. – Вам уже нечего бояться. Мы вынуждены вас задержать, но повода для беспокойства нет. Таковы формальности. Это ваша дочь? Как тебя зовут, малышка?

Пограничник ласково обратился к Еве, которая, уткнувшись в куртку матери, тихо подвывала. Услышав мужской голос, Ева повернулась к пограничнику, он увидел ее хитрый синий глаз и симпатичную заплаканную мордашку.

– Ева, – произнесла она и улыбнулась. Пограничник улыбнулся ей в ответ.

– Добро пожаловать на территорию Федеративной Республики, – сказал коренастый усач. – Мы слышали выстрелы с той стороны границы и сразу поняли, что товарищи с Востока опять пытаются помешать кому-то бежать. У нас в этом году вы уже седьмая. Семь – счастливое число.

Ютта закинула голову и подставила лицо холодным каплям дождя. Впрочем, кажется, небо начало проясняться. Ева вцепилась в куртку Ютты. Девочка больше не плакала. Все осталось позади. А Егор? Неужели он ранен или даже убит?

– Вы не одна? – спросил пограничник. – О ком вы говорили?

– Там мой... мой муж, – сказала Ютта. – Он – русский офицер, в него стреляли пограничники. Ему нужно помочь...

И несмотря на ужасные переживания этого утра, Ютта почувствовала странную радость. Егор был прав – не прошло и нескольких часов, как она с Евой оказалась на свободе. Вот если бы с ним все еще было в порядке. Она ведь любит его.

– Пройдемте со мной, – сказал Ютте молодой пограничник. – И кстати, как вас зовут?

– Ютта Франке, – ответила она и зашагала вслед за пограничником.

Дарья Ипатова вздохнула и продолжила глажку. Ей, как матери семейства, приходилось, помимо работы, заниматься и домашним хозяйством. Впрочем, не требовать же от супруга, чтобы он готовил обеды, стирал или возился с малолетней дочерью?

Хлопнула дверь, на пороге появился взмыленный Александр Ипатов. Дарья поняла – что-то случилось. Впрочем, может, кто-то всего лишь напился по поводу праздника и что-нибудь учудил? Так было, к примеру, в прошлом году, на Новый год. Один из сослуживцев мужа, прапорщик дивизии, изрядно приняв на грудь, залез на конную статую императора Вильгельма, которая возвышается перед шверинским замком, и принялся горланить гимн Советского Союза, опустошая при этом свой мочевой пузырь на постамент и брусчатку. Немцы привыкли к подобному поведению советских солдат и молчали. А что они могли сказать. Им ведь известно, что советские граждане не подпадают под немецкую юрисдикцию.

– Ну, Даша, я тебе сейчас такое расскажу! – сказал Ипатов, проходя в небольшую комнату. – Этим утром произошло невероятное!

– Что именно? – лениво спросила Дарья, доставая из корзины с бельем очередную мужнину рубашку.

– Селуянов бежал на Запад, – на одном дыхании произнес Александр.

Дарья, оставив горячий утюг в сторону, спросила:

– Ну и как, у него получилось перейти через границу?

– Пока не знаю, говорят, там стрельба была, – ответил муж. – Но это не все. Он не один ушел. Вместе с ним была его немецкая любовница. Знаешь, эта шлюшка Ютта, она тут вечно раньше крутилась, пока с ним не познакомилась.

Дарья охнула. Ипатов внимательно посмотрел на жену и спросил:

– А что ты так на это реагируешь, Даша?

– Да я... Я подумала о дочери, о Юттиной дочери, она ведь с нашей Катюшей родилась вместе. Девочка-то осталась?

– Ага, осталась, – фыркнул муж. – Конечно, нет. Селуянов знал, что делал. Я вообще-то его плохо знал, он хоть и земляк мой был, да мы с ним почти не общались. Он же понимал – если уйдет, то покарают тех из его близких, кто останется. А он в семье был один, родители умерли, никого нет. Ну, кроме этой Ютты. И ее девчонки. Та, понятное дело, не его дочь, но он вроде бы даже собирался жениться на Ютте и девчонку удочерить. Вот что творится...

Дарья прикрыла на мгновение глаза. Боже мой, значит, Ютта бежала. Бежала, прихватив и дочку. Ева, так, кажется, она назвала ее.

– Но это еще не все, Дашка, – продолжал муж. – Знаешь, почему Селуянов-то решил драпать, и именно сейчас? Он ведь замполита Лобойко кокнул!

– Да ты что! – вскрикнула жена, едва не обжегшись о раскаленный утюг. – Не может быть!

– Может, да еще как, – заверил ее супруг. – Пока что официально ни о чем не объявляли, но знающие люди видели сегодня около дома, где Лобойко живет, несколько медицинских машин, а также полицию и «уазик» с нашими чинами. Вот крику-то из Москвы будет! Еще бы, мало того, что советский офицер драпанул на Запад, прихватив немецкую сожительницу и ее ребенка, так еще и убил замполита! Впрочем, этой гадюке Лобойко туда и дорога, его никто не любил, он на всех стучал, а уж когда начинал про преимущества коммунизма байки рассказывать, у него пена у рта появлялась, так в раж входил. А сам-то скупал на барахолках антиквариат, всю квартиру обставил, как швейцарский замок, и еще кое-что в Союз вывозил, капитал, так сказать, зарабатывал. Говорят, что они с Селуяновым занимались азартными играми. Казино вроде бы устроили подпольное. Все может быть. Похоже, Селуянов его кокнул, чтобы деньги забрать. Он и квартиру Лобойко основательно почистил. А там много чего ценного было.

Ипатов подошел к телевизору и стал переключать с канала на канал. Наконец обнаружил одну из западногерманских телепрограмм. На экране высветилась студия, в которой находилось несколько человек. Приглядевшись, Дарья узнала в одном из присутствующих Егора Селуянова, который был облачен в парадную военную форму советского офицера.

Дарья знала – стоило немецким гражданам или советским военным бежать в ФРГ, как они тотчас, буквально тем же вечером, появлялись в эфире канала, который вещал на ГДР. Западные немцы использовали все возможности, чтобы пропагандировать свой образ жизни и прославлять тех смельчаков, которые не побоялись бросить вызов тоталитарной системе. И русские военные возникали в студии, говорили ужасные слова и красовались всегда в парадной форме, которая, скорее всего, была наготове в ателье телевизионного канала.

– ...И я понял, что так больше продолжаться не может, – чеканным монотонным голосом, не глядя в камеру, говорил Селуянов. – Поэтому принял решение перебраться на Запад. Я устал от постоянной лжи, муштры и притеснения моих конституционных свобод...

– Ишь, как запел, – произнес Александр Ипатов. – Конституционные свободы, муштра... Впрочем, они там говорят не то, что думают, а что им прикажут. Наверное, так и велели: или рассказываешь об ужасной жизни в ГДР, или мы тебя обратно вышлем. Ты же не немец, а советский гражданин, зачем нам лишняя головная боль от стычек с Москвой.

Дарья присмотрелась. Левая рука у Егора Селуянова была забинтована. Он продолжал рассказывать (а его слова тотчас переводились на немецкий язык) о том, как звери-пограничники пытались расстрелять его, а также женщину с малолетним ребенком.

– Ну, теперь он точно получит немецкое гражданство, – со скрытой завистью произнес Ипатов. – Что ж, ему повезло, Даша. Может, и нам рвануть?

– Ты что такое говоришь? – всполошилась Ипатова. – Сашка, опомнись, они же теперь охрану границы усилят, всех трести начнут. И у нас ребенок, ты что, забыл...

– Да пошутил я, успокойся ты, – миролюбиво ответил Александр. – Никуда мы не денемся. И у тебя, и у меня в Союзе родственников полно. Так что останемся, как Егор говорит, заложниками тоталитарной системы и винтиками в машине уничтожения. Эх!

Он переключил на другой канал. Дарья продолжила глажку. Мысли ее вертелись вокруг побега Селуянова и Ютты. Что ж, она бежала. Но с другой стороны, это и хорошо. Ютта – единственная, кто знает об их тайне. И теперь она далеко, в другой стране, в другом мире. Они никогда больше не встретятся. Никогда! И все останется так, как сейчас. Значит, нужно бога благодарить, что все так получилось. Потому что прошло бы еще несколько лет, и люди начали бы задавать вопросы. А теперь... Теперь она спокойна. И пусть у Ютты и ее дочери все будет в порядке. Пусть живут на Западе.

Закончив гладить, Дарья прошла в темную спальню, где спала ее дочь Катя. Женщина присела около кровати, погладила русые волосы дочери, отчего-то ей захотелось всплакнуть. Нет, нужно держать себя в руках. Главное, чтобы Саша никогда ничего не узнал. Он не догадается, она все великолепно продумала. И Ютта, единственный человек, который мог бы ее выдать, теперь ушла из их жизни.

Ипатова с нежностью поцеловала спящую девочку, вышла из комнаты и прикрыла плотно дверь. Ее ждала гора грязного белья, которое нужно выстирать. Вот она, семейная жизнь. Но ведь всего этого могло бы и не быть... Могло бы – но оно у нее есть!

Теперь нужно поскорее забыть о том, что произошло три года назад. Все это несущественно, вместе с Юттой исчез из Дашиной жизни страх. Она уже не боится, что кто-то мог узнать и сказать. Все прошло, все прошло...

Волгоград, Россия, февраль 2002 года

Катя Ипатова натужно улыбнулась и попыталась в который раз убрать назойливую руку Германа Петровича со своей коленки. Однако ее кавалер, плотный и высокий мужчина лет сорока пяти, коротко постриженный, с бобриком серебристых седых волос, не желал понимать отказа. Герман Петрович Варавва привык получать то, что хотел. Причем – всегда. А сейчас он хотел одного – заполнить Катю Ипатову.

– Катюша, может, тебе еще вина? – спросил Герман Петрович и, не дожидаясь ответа, щелкнул пальцами, унизанными массивными золотыми перстнями. Появился вышколенный официант, который с приклеенной к лицу улыбкой был готов исполнить любой каприз гостя.

– Так, давай мне еще сто пятьдесят водочки, а девчонке коктейльчик, – барским тоном распорядился Варавва.

– Но, Герман Петрович, я больше не хочу, – попыталась воспротивиться Катя, но кавалер и не слушал ее возражений. Он привык к тому, что ему все и всегда подчиняются. И зачем она вообще согласилась пойти вместе с Вараввой в самый шикарный ресторан города?! Наверное, просто надеялась, что после совместного ужина тот отстанет от нее. Но нет, эта встреча в ресторане была для Германа Петровича прелюдией. Он явно рассчитывал на то, что Катя проникнется к нему симпатией, и за этим вечером последует еще много чего занятного и интересного...

– И мороженое ваше, разноцветное, с ликером, – приказывал Герман Петрович официанту. – Девчонке моей понравилось. Ведь так, Катюша?

И его потная рука снова очутилась у нее на коленке. Катерина не пожалела, что надела длинное платье, хотя Герман Петрович настоятельно просил ее облачиться во что-нибудь покороче. Девушка ощутила, что ее силы на исходе. Она просто даст этому наглецу пощечину – и что тогда?

– Извините, я сейчас вернусь, – сказала Катя и, поднявшись, буквально выбежала из зеркального зала ресторана. Она кинулась в туалетную комнату, склонилась над мраморной раковиной, пустила сильную струю воды, вздохнула. Затем посмотрела на себя в зеркало.

– Итак, Катерина, что тебе делать? – спросила Ипатова у своего отражения. Затем задала тот же вопрос по-немецки: – Was nun tun, Katharina?

На нее смотрела удивительно красивая блондинка с темно-синими, как норвежские фьорды, глазами и великолепной точеной фигурой. «Кто сказал, что красота помогает? Была бы как Светка Храповалова, Герман Петрович никогда бы на меня внимания не обратил. Он же у нас гурман, ему манекенщиц подавай. А на простых смертных он и внимания не обращает».

Она усмехнулась, вспомнив свою подружку и сокурсницу Светку. Будучи полной, та вечно сидела на диетах, чтобы скинуть лишние пятнадцать-двадцать килограммов, однако это у нее никак не получалось. Светка определенно вцепилась бы обеими руками, всеми десятью пальцами с алыми накладными ногтями в Германа Петровича Варавву. Еще бы, такая партия! Ну и что из того, что ему под пятьдесят. Ничего, мужик в самом соку! Ну и пусть он женат, и Катя училась в одном классе вместе с его младшим сыном! Фи, моя милая, это же предрассудки! Сейчас самая «фишка» быть метрессой! Это слово Светка обнаружила в каком-то историческом любовном романе и теперь щеголяла им. Ну, подумаешь, разведется с женой. Или будешь за его счет жить. Купит тебе квартиру в самом центре города, машину, оденет «в фирму» с ног до головы, устроит на высокооплачиваемую работу в крутую фирму. Или вообще работать не понадобится, будешь ходить по салонам и бутикам, отдыхать вместе с ним за границей. Вот жизнь!

Светка определенно понимала толк в такой жизни, но Кате претило быть содержанкой или даже законной женой Германа Петровича. Впрочем, он явно не собирался расставаться со своей супругой. И еще одно «но»...

– Он тебе не нравится? – фыркала Светка Храповалова. – Ты его не любишь? Да что ты говоришь, Катерина, откуда в твоей головке такие глупые мысли? Кто сказал, что ты должна его любить? Он мужик влиятельный, богатый. Я бы такого ни за что от себя не отпустила! А он сам вокруг тебя увивается. Дурочка, какая же ты дурочка! Или думаешь, что вечно будешь в своем замызганном универе работать? В аспирантуру пойдешь, карьеру начнешь делать, доцентом к пятому десятку станешь? И вся твоя красота к тому времени испарится без следа.

Светка считала, что понимает толк в современной жизни. Храповалова знала – ей требуется обеспеченный супруг, желательно с зарубежным паспортом. Поэтому она и знакомилась с иностранцами по Интернету, крутила роман сразу с несколькими одновременно и все пыталась выяснить, кто же из них богаче. Катя никогда не осуждала Светку, да и кто она такая, чтобы осуждать? Светка живет с матерью-продавщицей и двумя младшими братьями, отец их бросил, денег в семье вечно не хватает. А Свете так хочется и новомодные джинсы, и абонемент в фитнес-студию, и отдохнуть хотя бы в Турции. Одна надежда – удачное замужество.

Герман Петрович Варавва... Может быть, она к нему несправедлива? Катя выудила из сумочки помаду, поправила макияж. Все бы ничего, но у Германа Петровича, помимо жены и двух взрослых сыновей, имеется еще один изъян – он один из городских мафиози, свой человек в криминальных кругах, одновременно поддерживает тесные и весьма дружеские связи с правоохранительными органами и местной администрацией. Ходили слухи, что Герман Петрович – глава одного из преступных сообществ. Варавва считался едва ли не самым влиятельным и богатым бизнесменом города-героя Волгограда. Ему принадлежали заправки, сеть мини-маркетов, хлебопекарни, развлекательные заведения, ночной клуб и так далее. Однако все знали: Герман Петрович никогда не считал закон чем-то важным и всегда был готов этот закон преступить. Вроде бы именно он стоял за переделом сфер влияния на нефтеперегонном заводе, именно он сумел подмять под себя армянскую мафию, которая контролировала центральный рынок, именно Варавва открывал ногой дверь в кабинет мэра и губернатора...

– Может, сейчас и уйти? – спросила Катя у своего отражения. Ипатова заметила, что в зеркале выглядит немного испуганно. Но, во-первых, оба номерка от гардероба находятся в барсетке Германа Петровича, а разгуливать в феврале по улицам, когда за окном минус двадцать, в одном платье не очень разумно. И, во-вторых, если она сейчас бросит Варавву одного в ресторане отеля «Волгоград», то он нагонит ее на своем «Мерседесе» через пять минут – и все начнется заново.

Его боялись, ненавидели, перед ним заискивали. И вот этот местный дон Корлеоне решил приударить за ней. Катя вымыла руки и задумалась. То, что Герман Петрович изменяет своей властной и сварливой жене, не было ни для кого секретом. В его «Мерседес» то и дело подсаживались юные создания. Но с Катей все было иначе. Тут, как наемник заявил ей Герман Петрович, у него совершенно иные интересы. Он не собирается ее торопить, пусть она сама принимает решение. Он заявил Кате, что ему требуется такая спутница жизни, как она – красивая, умная и любящая его. И он готов осыпать ее с ног до головы золотом.

Насчет последнего Катя не сомневалась – Герману Петровичу принадлежали чуть ли не все ломбарды и наиболее крупные ювелирные магазины Волгограда. Но она не любила его, вот в чем дело! И не могла представить себе, что полюбит! В принципе, несмотря на свои годы, разгульный образ жизни и опасную профессию, Герман Петрович хорошо сохранился, постоянно ходил в тренажерный зал, был, возможно, чуть полноват, так как изрядно налегал на пиво, но в общем и целом являлся импозантным господином, предпочитающим дорогие костюмы от заморских кутюрье и золотые украшения с крупными бриллиантами.

Катя услышала около двери в женский туалет нетерпеливый бас Германа Петровича.

– Катюша, все в порядке? – спросил он. – Я тебя жду! Эй, Катя, ты здесь?

Дверь распахнулась, на пороге появился Герман Петрович. Дама, стоявшая рядом с Катей около зеркала, что-то возмущенно прокудахтала.

Варавва грубо оборвал ее:

– Заткнись, лахудра.

Потом, улыбаясь великолепными фарфоровыми зубами, он заискрился радостью и как галантный кавалер заявил Катерине:

– Я тебя жду, моя крошка. У нас еще весь вечер впереди!

Катя, понимая, что отступить некуда, повиновалась и вернулась в зал. Она украдкой посмотрела на часы. Почти одиннадцать. Мама волнуется, да и отец тоже. Еще бы, те переживают за свою единственную дочь. Катерина ничего им не рассказала, они были бы в шоке, узнав о домогательствах со стороны Германа Петровича. Да и что бы смог сделать отец, который работает на заводе «Баррикады», или мама, врач-гинеколог в обычной городской поликлинике. Катя им сказала, что пойдет сегодня на день рождения к Светке. Та обещала прикрыть ее, если родители Кати будут ей звонить. Но Катя поклялась матери вернуться домой до одиннадцати, а Герман Петрович, по всей видимости, решил праздновать всю ночь напролет.

Пиршество длилось еще почти час. Катя уже несколько раз сказала Варавве, что ей пора и ее родители волнуются. Тот же каждый раз порывался позвонить по сотовому Кате домой, чтобы уверить ее родителей, что их дочка находится в надежных руках. Катя с ужасом предоставила, что будет с мамой, когда та узнает, в чьем обществе находится ее дочь. Наконец, после очередного намека Кати на то, что она устала, Варавва произнес пьяным голосом:

– Ну ладно, мне тоже пора.

Он поднялся из-за стола, вокруг него сразу же засуетились несколько официантов, метрдотель и даже лощеный директор ресторана. Герман Петрович был чрезвычайно важным гостем и, помимо всего прочего, владельцем всего отеля и ресторана.

– Ну что, славно нас ублажили, жратва у вас, как обычно, самая лучшая в городе, – произнес Герман Петрович, кидая на стол несколько стодолларовых купюр. – А вот музыка дерьмовая. И вообще, развлекательную программу вам надо изменить. Обсудишь с моим менеджером это завтра же, – приказал Варавва директору ресторана. Тот, ахая и кланяясь, уверил высокого гостя, что исправится.

Они вышли в фойе. Директор лично помог Герману Петровичу натянуть дорогой плащ. Катя в одиночестве надела шубку, которую по этому поводу выпросила у Олеси Тарасовой, другой своей подружки. Конечно, горный козлик смотрелся в холле отеля смешно и жалко, но что поделаешь...

– Куплю тебе сибирского соболя, – сказал Герман Петрович, бросив взгляд на шубку Кати. – Завтра же поедem, Катюша, и купим. Нравится она мне, – сказал он, обращаясь к директору ресторана. – Умница и красавица, и в постель сразу не норовит. Вот разведусь с Лариской и женюсь на ней...

Директор и прочая челядь подобострастно рассмеялись хозяйской шутке. Герман Петрович, кинув швейцару еще одну зеленую бумажку, направился к выходу. Тяжелую дверь перед ним распахнули. Варавва вышел на морозный воздух, Катя последовала за ним. Было почти двенадцать. Их ждал «Мерседес» с тонированными стеклами. Водитель раскрыл дверь. Герман Петрович обернулся и спросил:

– Ну что, Катерина, вечер тебе понравился? Можешь не благодарить, я же по глазам вижу, что понравился...

Катя только открыла рот, чтобы поблагодарить Варавву, как грянули выстрелы. Сначала она и не поняла, что стреляют, ей показалось, что где-то рядом зафырчал двигатель автомобиля. Однако, судя по тому, что Герман Петрович стал оседать на снег, это были именно выстрелы.

Девушка с недоумением и ужасом уставилась на упавшего в снег Варавву. Водитель бросился к хозяину, Катя повернулась и увидела сквозь стеклянные окна искаженное лицо директора ресторана. Тот отпрянул от двери и скрылся в фойе. Катя метнулась к Герману Петровичу.

Варавва тяжело и хрипло дышал, на груди у него расплылись три кровавых пятна. Он пытался что-то сказать, но так и не смог. Затем его взгляд потух, и тело обмякло. Катя, опустившись на асфальт, держала на коленях голову Германа Петровича. Неужели это то самое заказное убийство влиятельного бизнесмена и мафиози, о которых пишут в газетах и сообщают в новостных программах? Волгоград – далеко не Москва, «отцы города» были здесь непуганые, ходили в большинстве своем почти без охраны. И вот кто-то этим воспользовался.

– Герман Петрович, – произнесла Катя. – Герман Петрович, с вами все в порядке?

Варавва не отвечал. Катя склонилась над распростертым грузным телом. Кажется, она не слышит дыхания. Неужели Германа Петровича убили? И она оказалась свидетельницей преступления?

Но откуда же стреляли? Судя по всему, из парка напротив – гостиница «Волгоград» располагалась на центральной площади города, около драмтеатра. Параллельно гостинице, с другой стороны Театральной площади, шел городской парк. Сейчас, в полночь, он тонул в зловещей тьме. Кто-то с винтовкой вполне мог притаиться за голыми корявыми деревьями и выстрелить в Германа Петровича.

Катя почувствовала, что ее бьет озноб. А что, если убийца все еще наблюдает за ней в оптический прицел? Но наверняка ему нужен только Герман Петрович, Катя – безликая очередная пассия стареющего «крестного отца», она не представляет для киллера ни малейшего интереса.

Вокруг лежащего на снегу Германа Петровича забегали милиционеры, Катю грубо отпихнули в сторону. Возник и отдающий команды визгливым голосом директор ресторана. Катя прижалась к гранитной стене гостиницы.

Ведь убийца мог подложить бомбу в «Мерседес», и тогда бы на воздух взлетел не только Варавва, но и она. Катя, решив, что ее присутствие излишне, хотела было направиться домой, однако ее задержал голос милиционера:

– А вы, гражданка, никуда не уходите. Вы же основной свидетель.

Катя снова прошла в теплый холл гостиницы. Люди суетились и бегали, разговаривали по мобильным телефонам, что-то громко обсуждали. Главной темой была только одна новость – убийство всемогущего Вараввы на пороге гостиницы «Волгоград».

Катерина опустилась на одиноко стоявший стул и принялась ждать. Она слышала разговор одного из молодчиков, который докладывал кому-то о произошедшем по телефону, одновременно курил:

– Да, прямо тут и грохнули Варавву. Ну, я сам не видел, как это произошло, однако на труп его имел возможность взглянуть. Нет, говорю тебе, он мертв. Да, да, лежит на снегу. Он тут со шлюшкой был, вышел из гостиницы, а их кто-то, видимо, со стороны парка караулил. И все – через секунду Германа Петровича не стало. Но ты понимаешь, что теперь начнется, новый передел, нам нужно мобилизовать все силы...

Шлюшка – это он меня ведь имеет в виду, пронзила Катю стыдливая мысль. Неужели я похожа на девицу легкого поведения? А на кого же еще, милочка, сказала она себе, если ты соглашаешься идти в дорогой ресторан с мужчиной, который тебе в отцы годится. У него дети твоего возраста, и он чуть ли не тридцать лет состоит в браке. И при этом ты прекрасно знаешь, чего он от тебя добивается.

Герман Петрович мертв, поняла наконец Катя. Значит, не будет больше никаких приставаний и двусмысленных предложений. Хотя предложение было вполне ясное – сделаться его любовницей и получить за это все возможные материальные блага. Может быть, она бы еще колебалась, осталась Герман Петрович в живых. А теперь – судьба сама распорядилась за

нее. Варавва убит. И все же – какая страшная смерть! У человека есть буквально все, он считает себя повелителем жизни, и вдруг несколько граммов свинца обрывают это триумфальное шествие, ввергая несчастного в тьму забвения.

Катя очнулась от горьких мыслей, услышав знакомые голоса. В фойе гостиницы появились сыновья Германа Петровича. Старший, Алексей, высокий и красивый молодой человек в элегантном черном пальто, и младший, Сергей, бывший одноклассник Кати – качок в кожаной куртке и со зверским выражением лица. Алексей, заметив Катю, подошел к ней. Она его не знала, только изредка видела мельком. Катерине он всегда нравился – уверенный в себе, явно умный, не то что его младший брат, с прекрасным чувством юмора. Он закончил юридический факультет университета и был главой одной из фирм отца.

– Если не ошибаюсь, ты и есть Катя? – спросил он, подходя к Ипатовой. – Ты как, пришла в себя? Я распорядюсь, чтобы тебя отпустили как можно быстрее, а то все об этом забыли.

Катя с благодарностью посмотрела на Алексея. Он разительно отличался от Германа Петровича. Вдруг Катя подумала, что именно Алексей займет место покойного Вараввы. А значит, погрязнет в «черном» бизнесе, криминальных разборках и провинциальных интригах. У нее было чувство, что Алексей и сам не рад свалившейся на него ответственности. Да и кто стал бы радоваться, только что получив вест о смерти отца.

– Ты была с ним? – развязно и истерично произнес Сергей, подходя к Кате. Губы младшего Вараввы тряслись, глаза бегали. Он был напуган и шокирован. – Значит, Катька, это ради тебя папка хотел разводиться?! Ты и есть его...

Он грязно выругался. Алексей, сверкнув серыми глазами, повернулся к брату и отчеканил:

– Сергей, возьми себя в руки. Ты должен понять, что теперь мы главные в семье. И ты не имеешь права вести себя подобным образом. А если не можешь совладать с чувствами – иди и проспись, я сам все улажу!

Сергей, продолжая материться, отошел в сторону, достал мобильный и принялся кому-то звонить. Алексей Варавва произнес:

– Катя, я приношу свои извинения за поведение брата. Он потрясен смертью отца и поэтому немного не в себе. Впрочем, ты же его знаешь, он никогда не отличался хорошими манерами.

– Но он прав, – сказала Катя. – Ведь Герман Петрович...

– Забудем об этом, – прервал ее Алексей. – Отец был взрослым человеком и мог вести себя так, как считал нужным. То, что они с мамой давно стали чужими, ни для кого не секрет. Катя, ты сама понимаешь, что сейчас я не могу отвезти тебя домой, но и одну отпускать ночью тоже не хочу. Тебя доставят прямо к подъезду, я распорядюсь. Но до этого тебе надо побеседовать со следователем, он уже здесь...

Алексея окликнули, и Катя отметила, что к нему почтительно обращаются «Алексей Германович». Король умер – да здравствует король! Катя машинально ответила на вопросы следователя, который, предупрежденный Алексеем, не стал вдаваться в подробности того, что именно делала Катя с Вараввой-старшим в ресторане и в каких отношениях она с ним состояла. Но ведь отношений у нее никаких с Германом Петровичем и не было – разве что он пытался ее поцеловать и несколько раз хватал за коленку.

Затем один из подручных Алексея отвез Катю на джипе домой. Глядя из окошка на пустынные улицы спящего Волгограда, Катя думала, что должна быть отчасти благодарна неизвестному убийце. Он спас ее от Германа Петровича. Иначе бы Варавва от нее бы не отстал ни за что, и ей бы пришлось или бежать сломя голову из города, или подчиняться его воле. Но ей не хотелось, чтобы избавление пришло именно так – от выстрела наемного убийцы...

Катя поднялась по лестнице на третий этаж пятиэтажки, в которой обитала семья Ипатовых. Рядом, всего в ста метрах, возвышался возведенный только пару лет назад элитный

небоскреб, огромная квартира в котором принадлежала Герману Петровичу. Катя, стараясь не шуметь, открыла дверь, прошла в коридор – и наткнулась на всклокоченного отца, который в тренировочных штанах и майке ждал ее.

– Наконец-то, – сказал он. – А то я уже собирался идти к Светке, она все уверяла, что ты у нее, а позвать тебя к телефону не могла. Мы с мамой так беспокоились, уже почти два часа ночи...

Появилась облаченная в ночную рубашку Дарья Ипатова. Она прижала к себе Катю и, чуть не плача, произнесла:

– Ой, Катюша, мы как на иголках. Хоть отец и говорит, что наша девочка выросла, но все равно страшно, сейчас время такое, на улицах грабят, насилуют, убивают...

– Да все в порядке, мы со Светкой праздновали, – сказала, снимая шубку, Катя. – Заговорились, а там уже и транспорт не ходит, она же живет на Пархоменко, я пока пешком оттуда добралась... Да все нормально, там везде фонари, – соврала Катя и, поцеловав родителей, исчезла в своей комнате.

Жизнь Екатерины Александровны Ипатовой, появившейся на свет 3 октября 1979 года в городе Шверин, Германская Демократическая Республика, была обыкновенной жизнью вполнеординарной студентки.

Впрочем, Катя никогда не задумывалась над подобными вопросами. Настоящая красавица – шелковые светлые волосы, которые Катя отращивала с девятилетнего возраста, огромные бездонные синие глаза и потрясающая улыбка сделали ее всеобщей любимицей в школе и в университете. Она не была отличницей, несколько раз на экзаменах даже пользовалась шпаргалками. Однако кто этого не делает?

У Кати были две лучшие подруги – полноватая, боевая и знающая настоящую жизнь Света Храповалова и ранимая и задумчивая Олеся Тарасова. С обеими она познакомилась в Волгоградском гуманитарном государственном университете, где Катя постигала сложности немецкого и английского языков. До трехлетнего возраста Катя жила в Германии – разумеется, в Германии служили родители Кати, отец, Александр Александрович Ипатов, прапорщик, и мама Дарья Гавриловна, врач-гинеколог. Родители познакомились именно там, в Шверине, там же сыграли и скромную свадьбу, там же на свет появилась и Катя. Иногда девушка сожалела, что у нее нет больше братьев и сестер, однако она всегда знала: родители обожают ее, не чают в ней души и готовы ради нее на все. Все же не так плохо быть единственным ребенком!

Мама, Дарья Гавриловна, родилась в Волгограде, в ту пору, когда город этот носил еще имя вождя всех времен и народов. У Кати имелась замечательная и горячо любимая бабушка, Анна Васильевна. Старушка даже в самые суровые времена гонений на религию, когда за хождение в церковь можно было поплатиться свободой, соблюдала православный пост и многочисленные православные каноны, крестила всех своих детей (их у нее было четверо). Странное дело, но ей вместе с мужем, дедом Кати, повезло. Анна Васильевна всю жизнь проработала на одном из гигантских заводов, которыми славился город-герой, в соседнем цехе трудился ее супруг. Катя знала, что стоит ей прийти к бабушке, как та, угощая деточку-внучку ароматным чаем и удивительно вкусным малиновым вареньем, начнет охать и причитать:

– Как же так, внученька, и почему твоя мама не соблюдает пост?! А иконы у вас висят? И телевизор вы смотрите? Ну надо же! Какой грех!

Катя, памятуя наказания мамы, никогда не вступала с бабушкой в споры.

Катин отец был родом из уральского города Глазова. Александр Александрович Ипатов числился по паспорту удмуртом, хотя этой крови в нем было на самом деле всего на одну восьмую. Когда-то он думал, что редкая национальность поможет ему поступить в институт. Так и произошло, однако, отучившись два курса в политехе, он бросил это занятие и ушел в

армию. Судьба занесла его за границу. По неизвестной причине за рубеж в первую очередь посылали нацменов, считая, видимо, их более идейно благонадежными.

Глазов, старинный русский городок, находился на Урале. Александр Александрович, попав после приезда из Германии с женой в Волгоград, был чрезвычайно удивлен – оказывается, в Советском Союзе существует дефицит и, более того, имеются громадные очереди! Дожив почти до тридцати лет, он не имел об этом представления. Он, счастливцев, вырос в Глазове, закрытом режимном городе, где на секретных военных заводах собирались стратегические континентальные ракеты, наводящие ужас на буржуазный Запад. По причине закрытости в Глазове царил настоящий рай – в магазинах в любое время года по бросовым ценам продавались бананы, молоко и творог, а также раритетные даже в столице сорта колбас. Правительство явно заботилось о процветании городка, который работал на укрепление мощи Советского государства. И попасть в Глазов было сложно. Купить билет можно в любой железнодорожной кассе, однако, сделав это, путешественник моментально становился мишенью особых служб. И к тому моменту, когда он садился в поезд, про него было известно все и даже больше – а не является ли этот товарищ на самом деле американским шпионом, который едет в Глазов, дабы выведать секреты боеспособности державы? Случалось и так, что, оказавшись на провинциальном вокзале, человек не успевал выйти в город – его брали под локти суровые и мужественные люди в неброских костюмах и уводили в неизвестном направлении. Человек, нужно успокоить волнующихся за его судьбу, вовсе не исчезал (как это было тремя десятилетиями ранее), его просто допрашивали, а затем следующим же поездом, если состава преступления в его действиях выявлено не было, отправляли восвояси.

Попав в голодный и степной Волгоград, Александр Ипатов познакомился с многочисленной волжской родней, знаменитым на весь мир архитектурным ансамблем «Мамаев курган», а также с очередями и дефицитом. Он быстро научился вставать в шесть утра, чтобы занять длинную (почти как в Мавзолей) очередь в продуктовый магазин. Часто случалось, что никто не знал, за чем именно стоят, однако это не мешало обывателям терпеливо ждать, что же выбросят на прилавки – синелапых бройлеров, помятые жестяные баночки со шпротами, слипшиеся пельмени, разбить которые можно только молотком и стамеской, или похожее на тальк сухое молоко.

Александр Александрович ударно трудился на заводе, потом вступил в молодежный жилищный кооператив, встав в очередь на квартиру, семь с половиной лет работал разнорабочим – раскидывал горячий асфальт, мостил улицы, занимался озеленением сухого и раскаленного долгим летом иногда за пятьдесят градусов города. Мучения его увенчались двухкомнатной квартирой в новом доме. А мама Кати, Дарья Гавриловна, устроилась гинекологом в поликлинику.

Таким образом, семейство Ипатовых не отличалось от тысяч ему подобных. Два родителя, один ребенок, двухкомнатная квартира, дача, но зато никакой вам машины.

Катя еще в Шверине начала лопотать по-немецки. Потом эти знания улетучились, однако в школе она стала изучать немецкий язык, так как почувствовала к нему необычайную тягу. Как шутил Александр Александрович Ипатов, говорил голос крови. Дарье Гавриловне подобные замечания почему-то не нравились, и она вечно одергивала мужа. Тот отбивался, заявляя, что это шутка.

Поэтому, окончив одиннадцатый класс обыкновенной средней школы весьма неплохо, всего с тремя четверками – по алгебре, физике и геометрии, Катя, не долго думая, приняла решение поступать на факультет немецкой филологии. До этого в течение года с небольшим она регулярно ездила в отдаленный Красноармейский район города, где когда-то, до революции, располагалась община немцев-геренгутеров, переселившихся в калмыцкие степи еще во времена тетки Кати, императрицы Екатерины. Силами потомков колонистов была восстановлена уютная площадь, на которой возвышалась отреставрированная лютеранская кирха

(бывший склад), музей-заповедник (промтоварный магазин), немецкая библиотека (экс-венерологический диспансер), а также дом самого богатого колониста Грегора Штуттендудена, в котором по-прежнему располагался военкомат. Эти самые потомки теперь опять возвратились в Германию. Кате нравилось перебирать книги на немецком языке, иногда воображать себя жительницей общины в середине девятнадцатого века, помечтать о золоте колонистов, которое, согласно городскому фольклору, находилось где-то в полуразрушенных подземельях.

Помимо этого Катя занималась на курсах немецкого языка, так как цены там были приемлемые, а родители ее не могли позволить себе нанять дорогостоящего репетитора, преподавателя вуза.

Одна из них, самоуверенная дама, которая, поговорив с Катей пару минут на немецком, скривив губы, сказала, что «материал сырой», но «при желании можно попытаться его доработать». Под желанием она понимала пятнадцать долларов за академический час три раза в неделю. Ипатовы, посоветовавшись, отказались от ее услуг. Дама, которая работала в педагогическом университете, пророчествовала:

– Если вы думаете, что кто-то за меньшие деньги подготовит вашу дочку к поступлению в вуз, то жестоко ошибаетесь. Она девочка неглупая, однако теперь все зависит не от абитуриента, а от репетитора. Вы же знаете, я старший преподаватель на кафедре, кандидат наук, кроме того, мой муж – член приемной комиссии. Так что лучше соглашайтесь, а то идти вашей Кате учиться на воспитателя детского сада или преподавателя начальной школы.

Катя же, девушка в общем-то покладистая, жизнерадостная и добрая, иногда могла проявить невыносимое упрямство. Так получилось и в тот раз. Дарья Гавриловна сбегала к своей маме, бабушке Кати, и та сказала, что поможет с деньгами – им с дедом как участникам войны платили большие пенсии. Дарья Гавриловна сообщила об этом Кате, думая, что обрадует дочку, но та ответила:

– Мама, не нужно мне никаких репетиторов, я поступлю в вуз своими силами!

– Ну, ну, – скептически поцокала языком дама из педагогического университета, чей муж сидел в приемной комиссии. – Видали мы таких, упрямых. Деточка, вам русским языком сказали – без связей все равно не поступишь. Или тебе по-немецки еще сказать? Витамин Бэ нужен, витамин Бэ!²

Катя одарила преподавательшу лучезарной улыбкой, которая сводила с ума всех одноклассников Ипатовой, и поставила перед собой цель – во что бы то ни стало поступить в вуз. При этом она сказала родителям, что не пойдет в педагогический, а намерена сдавать экзамены в Волгоградский государственный гуманитарный университет.

– Он и выше котируется, и язык там лучше преподают, и готовят не учителей, а лингвистов-переводчиков, – сказала Катя, которая уже приобрела рекламную брошюру этого вуза.

– Но дочка, – попыталась возразить Дарья Гавриловна. – Учитель же – это так хорошо! Иностранный язык всегда поможет тебе жить, иметь кусок хлеба и даже с маслом и икрой. Посмотри на нашу соседку, тетю Киру, она преподает математику, ну и какая разница, у нее учеников два десятка. Кира ездит летом за границу, шубу из песка купила, квартиру обставила дорогой мебелью. Такой шик!

– Тоже мне, предел мечтаний, – фыркнула Катя. – А я стану переводчиком, устроюсь в крутую московскую фирму и вообще выйду замуж за немца!

– Катя-то выросла, – говорили потом вечером на кухне Ипатовы. Дарья Гавриловна даже всплакнула, однако Александр Александрович поддержал дочь, сказав, что та молодец и не должна пасовать перед трудностями.

– Ты им, дочка, еще покажешь, – сказал он. – Я в тебя верю. И мама тоже верит, просто она боится, что твои мечты разобьются вдребезги.

² В разговорном немецком выражение «витамин В» (Vitamin B) – соответствует русскому «блат».

– Ничего не разобьются, – упорно твердила Катя. – Я поступлю в университет сама, вот увидишь, папка!

И сдержала слово! Кажется, никто, кроме самой Кати, действительно не верил, что это у нее получится. Она набрала тринадцать баллов, сдав три экзамена – два по немецкому, письменный и устный, на «пятерки», и сочинение по русской литературе на твердый «тройку». Судя по слухам, единственный человек, который получил в универе за сочинение на вступительном экзамене пятерку, потом рехнулся и оказался в сумасшедшем доме.

Сумасшедший дом, она же известная всему городу психушка номер семнадцать, ставшая притчей во языцех и поводом для местных шуток, располагался тут же, всего в ста метрах от университета. Безымянный высокопоставленный чинуша, чья легкая рука поставила подпись под планом строительства гуманитарного университета, возведенного в конце семидесятых одним из последних в стране до того, как сверхдержава развалилась, наверняка скончался от непрекращающихся пароксизмов икоты. Ибо его поминали недобрым и иногда совсем даже непечатным словом все – начиная от студентов и их родителей и заканчивая водителями рейсовых автобусов.

Университет возник в географическом центре города Волгограда. А сам город растянулся по берегу Волги чуть ли не на сто километров – почти как Нью-Йорк или Лос-Анджелес. Однако условия жизни в городе были весьма далеки от американских.

Между относительно плотно застроенными островами многоэтажек, магазинов и школ зияли пустынные буераки, полные многолетнего мусора камышовые заросли и кривые домишки, которые восходили даже не к сталинградской эпохе города, а к ее предшественнице – царицынской. Именно на одной из таких пустошей и было решено возвести университет. Причем не где-нибудь, а на Лысой горе, как она именовалась в народе.

Когда-то, во времена Второй мировой, эта возвышенность являлась плацдармом ожесточенных боев советских и нацистских войск. На горе до сих пор было полно извилистых окопов, в которых местная ребятня находила ржавые патроны, дырявые каски, штыки и побелевшие человеческие кости. Именно там стояли несколько мрачно-сизых корпусов психиатрической клиники номер семнадцать. Однако сама Лысая гора, казалось, ждала стройки десятилетия.

Таковой и стало возведение здания университета. Говорят, что местные бюрократы, рисуя столичным контролерам прелести данного места, указывали дланями на Волгу, бегущую внизу, за лесопарком, железной дорогой и пятиэтажками.

– Наши студенты смогут любоваться великой русской рекой, – восторженно говорили они. – Посмотрите, товарищи, какой великолепный вид! А если присмотреться, – они указывали в другую сторону, – то можно увидеть и статую Матери-Родины. Этот монумент будет вдохновлять наших студентов на новые подвиги!

Московские гости, от решения которых зависел исход дела, позволили себя уговорить. Впрочем, утверждают, этому способствовал вовсе не идиллический вид с Лысой горы на Волгу, а шикарный банкет и завершившие его эксклюзивные ночные празднества, на которые были допущены только избранные.

Никто не учел, что Лысая гора была, пожалуй, самым продуваемым местом в городе. Иногда, когда ветер дул с горы, подняться вверх по пологому склону даже на двести метров было очень сложно. Зато спуститься, особенно зимой, когда дорога покрывалась толстой коркой блестящего льда, было проще простого – только скользи вниз, не задерживаясь, к остановке, чтобы дожидаться редко курсирующего автобуса. Сколько во время этого экстремального слалома было сломано ног, разбито носов и вывихнуто ключиц, никто толком не знает. Одно слово – много! Но чиновники этого не учли, они посещали место будущей стройки поздней весной, сами наверх не карабкались, их везли, весело пофыркивая, черные «Волги». А то, что студенты немного напрягаются – так это даже полезно, им, молодым, это нужно, не все же время ломать голову за учебниками, мускулы тренировать надобно!

Так-то оно, конечно, так, однако само здание университета не способствовало укреплению здоровья студентов. Ладно, гора, по ней можно как-нибудь вскарабкаться. Даже если гололед и студенческие автобусы выгружают ватаги ребят и девчонок внизу, так как водители отказываются гнать машину наверх. Тихонько, по снежной обочине, по цепочке, след в след, можно взобраться к зданию университета, украшенному барельефами великих мира сего – Маркса, Энгельса, Ленина, равно, правда, как и Лобачевского, Ломоносова, Толстого... Но если кто-то надеялся, оказавшись за надежными и не подвластными ветрам стенами университета, согреться и прийти в себя, то он жестоко ошибался.

Стены университета защищали от ветра, спору нет, хотя частенько из окон дуло и вокруг слышалось мрачное завывание вьюги. Но холод! Архитекторы, которые создали воистину современное и красивое здание из бетона, мрамора и стекла, не учли одной мелочи – они ориентировались на узбекский вариант, использовали при планировке здания проект ташкентского университета. И жестоко просчитались. Летом, в знойную жару, когда толпы студентов стоят в коридорах, готовясь к очередному экзамену или зачету, или когда не пуганные еще абитуриенты галдят на первом этаже, в центральном корпусе, ожидая объявления оценок на вступительных экзаменах, университет представляет собой спасительный рай. Мягкая прохлада, которую источают мраморная облицовка стен, овеивает кожу и сгоняет пот, мысли снова начинают весело крутиться в голове, и молодой человек уже готов благополучно ответить на коварный вопрос преподавателя.

Но зимой эти же самые стены продолжали излучать прохладу. Да нет же – обжигающий холод, который пробирает до костей и сковывает душу. И не помогают никакие толстые свитера или куртки с шубами, надетые поверх свитеров. Ибо синеют пальцы, которые не могут держать ручку, хлюпают простуженные носы, и слышно постоянное чихание студентов. И маломощные батареи, которые хоть и работают в некоторых помещениях (а где-то не работают и вовсе, превращая кабинеты в царство некрасовского воеводы Мороза), не спасают от ледяной стужи, которая то и дело щиплет за нос, пробегает мурашками по спине и щекочет ноги.

Однако студенты – народ неприхотливый. Подумаешь, холод или ветер, их этим не возмешь. Студент в университете подобрался на редкость цепкий до знаний, оптимистичный и веселый. В общем, как и вся молодежь.

Конечно же, Катя не вдавалась в такие подробности, как место расположения университета или степень его отапливаемости зимой. Ей хотелось одного – доказать всем и в первую очередь себе, что она способна... Что она способна...

Но на что? Пожалуй, на то, чтобы считаться взрослой. Еще бы, ей почти восемнадцать, так зачем же всегда и во всем слушать маму и папу? Взрослая она уже, сама знает, как жить и что делать с собственной жизнью.

Но тем не менее, Катя Ипатова искренне и без всяких задних мыслей любила папу, маму, бабушку, теток и дядек, многочисленных кузин и кузенов, а также своего ласкового кота Филю.

В тот день, когда Катя должна была узнать результаты последнего и самого грозного экзамена – сочинения, ее мама, Дарья Гавриловна, находившаяся в то время в отпуске, крутила на кухне компоты. Отпуск она планировала посвятить именно этому – домашнему хозяйству, подготовке Кати в университет и ремонту в зале. Ее супруг курсировал между дачей и домом, доставлял с берегов водохранилища, где у них был участок в восемь соток, ведра зрелой крупной вишни и наливных, подрумяненных солнцем помидоров. Несмотря на некоторые недостатки в плане экологии, пригороды Волгограда были чрезвычайно благодатным краем.

Дарья Гавриловна, заготавливая на зиму рацион витаминов, думала с волнением о том, поступит дочь в университет или нет. Ее Катя, любимая и долгожданная, одна-единственная. Если бы девочка знала... Но нет, она никогда не узнает, и никто не узнает. Эту тайну Дарья унесет с собой в могилу!

– Ну что, Даша? – спросил, входя на кухню, Александр Александрович, и ставя на пол два тяжелых ведра с вишней. – Поступила Катя?

– Отнеси их сразу в ванную, мыть надо, – распорядилась Ипатова. – Саша, еще много?

– Завались, до черта, – вздохнул Александр Александрович, который в тот день уже второй раз приезжал с дачи домой, доставляя хозяйственной жене небывалый урожай вишни. – Так и прет, так и прет! И все жалуются. Значит, в следующем году не будет. Так всегда – то яблоки попрут, то персики, то виноград. В этом году вишня...

– Ладно, ладно, еще пару раз сумеешь обернуться, – сказала Дарья Гавриловна, словно и забыв о вопросе мужа. – Маме тоже надо подкинуть, а то мы и так за ее счет живем, долги никак не отдаем, будем хоть фруктами расплачиваться.

И потом, когда Александр Александрович вышел из ванной, вдруг сказала:

– Хоть бы позвонила, Сань, а? А то как ушла утром, так и нет ее. Сегодня же результаты по сочинению. А если у нее двойка? Может, поэтому и не звонит? А то сказала мне сегодня, ты уже уехал первым автобусом на дачу: «Мам, если я не поступлю, то пойду и утоплюсь». И чего ее нет, а?

В голосе Ипатовой слышалась тревога. Александр Александрович, который знал, что Катя иногда может ляпнуть какую-нибудь глупость, не думая о последствиях и реакции окружающих, старался не подавать виду, что тоже взволнован.

– Да все в порядке, Даша. Не переживай, она же всегда любила литературу, а по русскому языку у нее никогда больше одной ошибки не было. Поступила она, куда ей деться, вот и празднует...

– Ну ладно, Ипатов, нечего тебе тут топтаться, иди, иди, а то вишня поосыплется вся или добрые люди помогут собрать, – заявила Дарья Гавриловна. – Ой, батюшки, тут банка треснула! – И она метнулась к плите, на которой кипели, словно в адской кухне, трехлитровые банки, поставленные вверх дном в большой кастрюле.

Едва Александр Александрович ушел, как раздался звонок. Ипатова метнулась в прихожую, костеря супруга, который вместо того, чтобы воспользоваться ключом, трезвонит в дверь.

На пороге стояла Катя. Бледная и удивительно красивая. Дочь шагнула в квартиру, не произнося ни слова. Дарья Гавриловна охнула и перекрестилась.

– Катюша, ну что? – спросила она внезапно осипшим голосом. С кухни донеслось мелодичное позвякивание. Кажется, лопнула еще одна банка, ну и делают же сейчас брак, раньше бы за такое руки оторвали!

– Финита ля комедия, – произнесла Катя, глядя на мать огромными синими глазищами.

– Это что значит? – поинтересовалась не особо сведущая в языках Дарья Гавриловна.

– А то, мамочка, – произнесла вдруг, сияя, Катя. – Что твоя дочь, Ипатова Екатерина Александровна, получила за сочинение на тему «Враги сожгли родную хату (по произведениям о Великой Отечественной войне)» трояк. Трояк – тверже не бывает! Ура!

– Как же так, – запричитала Ипатова. – Катечка, это значит, что ты не пройдешь? У тебя же до этого были две пятерки, а теперь «три».

Катя кинулась к ней на шею и поцеловала в щеку.

– Мамочка, три по сочинению в универе – это пять в школе! У них такие требования, там такие церберы проверяют, за каждое слово цепляются – так сказать можно, а так нельзя! Стилистика, понимаешь! У меня пять плюс пять плюс три – равно тринадцати баллам. Чертова дюжина! Да здравствует чертова дюжина! Мне, чтобы поступить, достаточно одиннадцати или двенадцати. Я – точно студентка ВолГГУ – Волгоградского гуманитарного государственного университета! Ура!

Дарья Гавриловна даже расплакалась, прижимая к себе Катю.

– Я же говорила, что поступлю, – продолжала ликовать девушка. – И никакие репетиторы за пятнадцать у.е. в час мне не нужны! Мы сами с усами! Да здравствует чертова дюжина!

И она закружилась по комнате в некоем подобии вальса. Дарья Гавриловна усмехнулась сквозь слезы. Вот ее Катюша и студентка. А кто бы мог подумать тогда, в Шверине... Но прочь страшные мысли, это давно предания старины далекой, нечего их ворошить!

– Позвони бабушке, – сказала Дарья Гавриловна. – Порадуй ее, а то она уже два раза справлялась о тебе, все волнуется, как ее внучка. Только не говори про чертову дюжину, Катя, а то бабушка этого не любит, ты же знаешь...

Катя бросилась к телефону, а Дарья Гавриловна, вспомнив, что давно пора вынимать банки, побежала на кухню, к своим компотам.

В университете Катя и познакомилась со Светкой Храповаловой и Олесей Тарасовой. Храповалова, которая ничуть не комплексовала по поводу того, что была немного более полновата, чем предписывали эстетические нормы, привлекла внимание Катерины тем, что в первые же пять минут перезнакомилась со всеми, выкрикивая пронзительным голосом свое имя: –Света, Света, Света!

А Олеся сама уселась рядом с Катей во время первого занятия, на котором их преподавательница немецкого, доцент Ирина Семеновна Зализняк, приветствовала своих новых подопечных и вводила их в курс университетских порядков. Олеся, в отличие от Светки, была тихая, застенчивая, склонная к меланхолии брюнетка с задумчивым выражением лица. Она походила на сестрицу Аленушку, ждущую брата своего Иванушку, или на Ассоль, которая всматривается в даль, ожидая появления каравеллы с алыми парусами.

Светка же, наоборот, была практичной и юркой. Как староста она всегда умудрялась раньше других получить ведомости и занять первое место около кассы. Как ей это удавалось, никто не знал, скорее всего, она обладала редчайшим чутьем и совершеннейшей интуицией. Света всегда говорила, что ее задача – выучить язык, чтобы потом использовать его как мостик...

– Как мостик за границу! – поучала она подружек Катю и Олесю. – Вы что, дурочки, собрались киснуть в нашем Волгограде? Вот что собираешься делать ты, Тарасова? – обращалась она к Олеся.

Та, словно напуганная ее вопросом, меланхолично отвечала (при этом с ее глаз спадала поволока задумчивости):

– Пойду в школу работать. Или в гимназию. Может, в аспирантуру. Не знаю.

– Вот то-то и оно, что не знаешь! – констатировала запальчиво Светка, облаченная, как всегда, в чересчур облегающие джинсы и слишком откровенную маечку. – Что делать в школе, дегенератов учить и копейки получать? А ты, Ипатова? – спросила она у Кати.

– Поеду в Москву, там с двумя иностранными языками не пропадешь, в фирму устройсю, – отвечала Ипатова.

– Неплохо, но недалековидно, – сказала Света, которая была уверена: только она сама, Светлана Храповалова, знает, как надо жить. – На фирме далеко не продвинешься, будешь вечно разносить кофе и отвергать домогательства шефа, а когда станешь старой, тебя выкинут на улицу.

Набрав в грудь воздуха, Светка выпалила:

– Нужно на перспективу работать, дурочки, на перспективу. И себя верно позиционировать. А вся перспектива – за рубежом. И не работать там надо, а мужа себе искать, чтобы потом там навсегда остаться. Ясно вам?

Любимое Светино выражение было – работать на перспективу, и Кате довелось его еще не раз услышать.

Учеба в университете увлекла Катю. В школе, получая хорошие оценки, она всегда думала, что быть отличницей легко. Но в университете! Оказывается, существуют предметы, о которых Катя не имела ни малейшего представления! Один немецкий язык чего стоит! Фоне-

тика, стилистика, история языка, теоретическая грамматика, страноведение, теория перевода. А она-то думала, что изучение языка – это только заучивание фраз и слов.

Катя была самой лучшей в своей группе, и по этому поводу над ней часто шутила Светка Храповалова. Ипатова замечала, что новоявленная подруга иногда злится на нее за то, что у Кати произношение лучше и словарный запас больше.

– Ну ты же там родилась, – вздыхала Светка, сводя все к банальной мысли: раз Катя появилась на свет в Германии, значит, немецкий у нее сидит в генах. Впрочем, Светка была хорошей подругой и давала Кате конспекты по философии.

У Ипатовой еще в школе были поклонники. Однако она никогда не задумывалась серьезно над тем, чтобы завести себе друга, или, как выражалась продвинутая Светка, бой-френда. Став студенткой, Катя обратила внимание на то, что частенько привлекает внимание молодых людей.

– Повезло тебе, Катька, – иногда задумчиво говорила Света, когда они покуривали около университета. Да, да, Катя, конечно, знала от мамы-врача, что курение вредно и вообще способствует раннему увяданию красоты, но на факультете курили все или почти все девушки! И Катерина не хотела быть исключением. Да она и не курила вовсе, а так, пару раз в неделю затягивалась тонкой сигаретой, беседуя со Светкой или еще с кем-то под сенью университетских колонн.

– В чем же мне повезло? – спрашивала Катя.

Храповалова неопределенно хмыкала и отвечала:

– Ну не строй из себя снежную королеву. Хотя тебе это идет, Ипатова... Надо признать, имидж ты себе потрясный создаешь. А у меня так не получается.

– Да о чем ты? – никак не могла понять Катерина.

Светка популярно ей разъясняла:

– Ты что, не понимаешь, ты же самая красивая! Будь я такая, как ты, давно бы нашла себе богатого друга. И что в этом плохого? Нужно на перспективу работать! А то пока универ закончишь и диплом получишь, чтобы начать самостоятельную жизнь, пройдет еще несколько долгих лет.

Катя, слыша такие слова, всегда краснела, но даже эту ее черту Светка находила потрясающей.

– И как тебе это удастся? – спрашивала она. – Ну-ка, ответь мне, Ипатова? Не знаешь, так само получается? Вот она, несправедливость. Некоторым жизнь дает такие шансы, а они их даже и не используют. Мне же, бедной девушке, всего нужно собственным горбом достигать. Ты же и умница, и красавица, и к тому же еще и на отвлеченные темы говорить можешь. Ну, ну, посмотрим, посмотрим...

Иногда Катю посещала мысль, от которой ей становилось стыдно. Неужели лучшая подруга Светка ей завидует? Да нет, этого быть не может! Хотя эта мысль упорно лезла в голову, когда она видела, с каким прищуром Храповалова рассматривает ее, когда не догадывается, что Катя видит этот взгляд.

По-другому складывались отношения Кати с Олесей Тарасовой. Та меланхолично посещала все занятия, витая где-то в собственных грезах. Олеся никогда не говорила о шмотках или о <I>перспективе</K> и этим разительно отличалась от Светки.

Первые ухажеры у Кати появились именно в университете. Однако она не придавала этому значения, хотя несколько раз посещала с ними дорогие ночные клубы. Но как она убедилась, это была не ее стихия. Кроме того, глядя на своих сверстниц, которые блистали дорогими и стильными нарядами и потрясающими украшениями, она всегда думала, что никогда не сможет позволить себе ничего подобного. Отец получал немного, а вместе с такой же мизерной зарплатой мамы они в итоге едва сводили концы с концами. Впрочем, родители всегда старались порадовать дочку обновкой. Катя это знала и никогда не требовала чего-то супермод-

ного и экстраординарного, хотя ей так хотелось! Иногда, после учебы, прогуливаясь по центру города, она заходила в дорогие магазины и представляла себе, что у нее достаточно средств, чтобы купить ту или иную понравившуюся вещь. Денег не было, но Катя не отказывала себе в удовольствии вертеться перед зеркалом, примеряя то джинсы, то шубку. Когда-нибудь, Катя была твердо уверена, она станет достаточно богатой, чтобы позволить себе все. Но когда же это случится?

Светка однажды появилась в университете, одетая с ног до головы в шикарные и дорогие вещи, которые Катя никогда бы не могла себе позволить. А девчонки сразу же зашушукались, что Светку привезла на Лысую гору иномарка. Храповалова и не скрывала, что у нее появился состоятельный поклонник.

– Ему сорок семь, но я люблю мужчин в возрасте, – разоткровенничалась Светка. – Они такие душки! Правда, он уже давно женат, и его дочка старше меня, но зато у него собственная адвокатская контора. Денег полно! Я понимаю, что это ненадолго, но так хочется уйти от серости и обыденности!

Катя никогда не осуждала Светку, да и за что ее осуждать? Храповалова именovala своих великовозрастных друзей, которые все, как один, были лет на двадцать пять старше ее, «папиками».

Шло время, Катя с ужасом вдруг поняла, что скоро завершится ее беззаботная студенческая жизнь. Она перешла на пятый курс. А что дальше? О Москве и возможной карьере в фирме она думала как о чем-то далеком, а вдруг выяснилось, что будущее нахально стучится в дверь. Катерина осознала, что еще не готова уехать от родителей. Как она одна сможет начать новую жизнь? И вообще, что она должна делать, чтобы найти место в столице?

Половина девушек, которые учились на курсе вместе с Катей, вышли замуж, некоторые даже родили. А те, кто еще не успел обзавестись мужьями, имели друзей или приятелей. Похоже, только она, Светка и Олеся были свободны. Светка – потому что после расставания с очередным «папиком», директором банка, зареклась иметь дело с «этими жлобами и жмотами». Олеся вообще не интересовалась противоположным полом, готовя себя к роли учительницы немецкого в школе.

Поэтому когда Ирина Семеновна Зализняк, та самая преподавательница, которая закладывала азы немецкой фонетики в головы студентов-первокурсников, завела с ней речь об аспирантуре, Катя, сама не зная почему, согласилась.

– Деточка, – говорила ей Зализняк. – Я хоть и кандидат наук, но у меня нет возможности набирать себе аспирантов. Но я уже зондировала почву и говорила о тебе с профессором Куракиным. Валентин Григорьевич знает тебя великолепно, он помнит, с каким увлечением ты работала у него на семинарах по истории языка и теоретической грамматике. В этом году у него есть возможность взять к себе двух человек. И я советую тебе, Катя, всерьез подумать над тем, чтобы пойти к нему в аспирантуру. Поговори об этом сначала с родителями, и если вы придете к положительному решению, то мы все вместе отправимся к Валентину Григорьевичу.

Ипатовы, узнав, что Кате предлагают место в аспирантуре, чрезвычайно обрадовались. Катя знала, что они мечтают видеть ее преподавателем в университете или учителем в школе.

– Доченька, какие разговоры, – внушала ей мама. – С Москвой можешь подождать, вот защитишь диссертацию, тогда и езжай, и шансов найти приличное место будет несоизмеримо больше. А так, обыкновенная выпускница университета, кому ты нужна в столице?

Ей вторил и отец:

– Я сейчас очень сожалею, что бросил учебу в политехе, а у тебя такой шанс! Используй его, дочка. Мы с мамой всегда будем помогать тебе, пока это в наших силах.

Только Светка, узнав о предложении Кате стать аспиранткой, рассмеялась:

– И зачем тебе вся эта бодяга? Господи, Ипатова, пока не поздно, ищи себе мужа. А то, как Зализняк, останешься в старых девах. Той уже за сорок, а ни мужа, ни детей. И не будет уже ни того и ни другого. Сначала выйди замуж за иностранца, а после хоть академиком становись. Потом все можно!

Катерина знала – несмотря на прагматизм, Светка потерпела полный крах в поиске женихов. Ни один из ее бойфрендов не хотел разводиться с супругой, а иностранцы, флиртовавшие с Храповаловой в Интернете, в итоге теряли к ней интерес.

Ирина Семеновна была рада, что Катя согласна пойти в аспирантуру. Поэтому, как и обещала, они направились к профессору Куракину, заведующему кафедрой немецкой лингвистики. Невысокий, с острой бородкой, обсыпанный пеплом от трубки, он всегда шутил и растягивал слова.

– Ну что, голубушка, – сказал он, приветствуя Катерину. – Решилась? Рад, рад, я тебя еще на втором курсе приметил. У тебя есть голова на плечах. Ирина Семеновна, смотрю, уже все рассказала... Ну что ж, если ты согласна, то и я тоже. Но ты пока спокойно сдавай последние экзамены, потом работай над дипломом и готовься к госам. Все равно вступительные в аспирантуру будут только следующей осенью. А до этого еще далеко, успеешь подготовиться. И тему мы тебе подберем интересную, например, что-нибудь по таксису...

Окрыленная надеждой, Катя вылетела из кабинета профессора Куракина и наткнулась на Светку.

– Ну что, позволила себя закабалить? – сказала та, до встречи изучавшая с кислым видом расписание экзаменов и зачетов последней сессии. – Они все красиво поют, но не говорят, что за свое звание ты будешь получать гроши. Хотя, может, предложи они мне идти в аспирантуру, я бы тоже пошла. Звание – это неплохо. Но я скоро поеду в Германию...

Храповалова таинственно замолчала, явно интригуя Катю. Ипатова не стала выяснять, каким образом подруга намеревается выехать за границу. Она знала – если у Светки выпрашивать, та все равно не расколется, а будет только таинственно щурить глаза и говорить, что пока ничего не может рассказать. Надо будет – сама все выложит.

В начале зимы Катя узнала, что на кафедре, которой заведовал Валентин Григорьевич, освободилось место лаборантки. Прежняя ушла в декрет, поэтому профессор и его замы усиленно искали нового человека. Катерина решила – лишние деньги, даже если и платят совсем немного, не помешают, тем более завод, на котором работал отец, был на грани банкротства, и зарплату выплачивали едва ли не с годовым опозданием. Поэтому Катя сама спросила у профессора, может ли она начать работать на кафедре.

– Молодец, – похвалил Куракин. – Как же я о тебе сам не вспомнил! А то мы сейчас как раз делаем кафедральную картотеку, требуется помощь. Пиши заявление, я его подпишу, а затем отдам на утверждение декану...

Так Катя и стала работать на кафедре. Кроме профессора Куракина, остальной кафедральный контингент составляли дамы. Профессор, который слыл златоустом, частенько говорил, что ему довелось работать садовником в розарии – вокруг него только прелестные цветы!

На самом деле, оказавшись в женском коллективе кафедры, Катя поняла, что там царят сплошные интриги, вызванные скрытыми и явными обидами и смертельной завистью. Официальная зарплата преподавателей была крошечной, лаборанты, такие, как Катя, получали и того меньше. Поэтому единственным источником доходов становилось репетиторство, а также «черная касса». «Черной кассой» именовались денежные и прочие материальные поступления от нерадивых студентов, которые были готовы заплатить, чтобы получить нужную оценку на экзамене или зачете. В особенности такой бизнес процветал на юридическом и экономическом факультетах университета. На кафедре велась настоящая война за право преподавать немецкий язык именно там. Валентин Григорьевич, человек науки, был далек от этих дрязг, все вопросы

распределения ставок решала за него его первая заместительница, кандидат филологических наук, доцент Алла Александровна Бедрова.

Аллочка Бедрова, милая хрупкая дама с бесцветными волосами, вечно собранными в конский хвост, и увядшим узким лицом, говорила тихим, срывающимся голосом, однако это не мешало ей фактически заправлять всеми делами на кафедре. Себя она считала неотразимой во всех отношениях. Без нее не принималось ни одно мало-мальски важное решение, мимо нее не проплывал ни один богатый ученик и, тем более, богатый родитель ученика. Говорили, что Алла Александровна недавно купила себе новую квартиру в престижном районе города, и, разумеется, не на зарплату зам. зав. кафедрой и дотации за кандидатскую степень. Она преподавала язык как на юридическом факультете, так и на экономическом, репетиторствовала сразу с парой десятков учеников и считалась правой рукой профессора Куракина. Замуж Бедрова выйти не успела, родить ребенка не смогла, поэтому отдавала всю свою энергию кафедре и работе.

Алла Александровна по неизвестной причине сразу же невзлюбила Катю. Вероятно, из-за того, что назначение лаборантки произошло без ее высочайшего одобрения. Бедрова когда-то вела у Кати лексикологию немецкого языка, и та помнила, какой вредной и придиричливой была на экзамене Алла Александровна.

Такой же она осталась. Она вечно цеплялась к Кате, заставляя ее по нескольку раз в день мыть грязные чашки. Чаепития на кафедре были в чести, однако ни одна из преподавательниц не ходила в дамскую уборную, дабы вымыть за собой чашку. Это считалось ниже их, преподавательского, достоинства. Поэтому Катя бегала с подносом, на котором, громоздилась посуда, туда и обратно. Помимо этого она разгребала многолетние завалы пыльных журналов и книг, составляя картотеку, печатала на стареньком кафедральном компьютере статьи Валентина Григорьевича и Аллы Александровны и вообще была девчонкой на побегушках.

– Ипатова, – Алла Александровна обращалась к ней исключительно по фамилии, – почему вы сделали столько ошибок в моей последней статье? Немедленно исправить!

– Ипатова, мне должны были час назад позвонить по очень важному поводу, почему вы меня не пригласили? И не говорите, что никто не звонил, вы просто врете!

– Ипатова, что это? Грязная посуда на моем столе! Немедленно вымыть, немедленно! И купите мне по дороге пару беляшей!

Катя, вначале обижавшаяся на предвзятое отношение Аллы Александровны, вскоре перестала замечать ее придиришки. Зато она сдружилась с еще одной лаборанткой, Женей, и с несколькими молодыми преподавательницами. На кафедре обожали Валентина Григорьевича и ненавидели Аллу Александровну.

Однажды, присев с чашкой чая в кресло, Катя услышала рассказ о Бедровой, который давно перешел в разряд университетских баек. Коллеги позволяли себе позлословить о Бедровой, фальшиво ей улыбаясь, как только она появлялась в кабинете.

– Ты еще не знаешь историю про Аллочку? – изумилась одна из молодых преподавательниц. – Ну ты, Катерина, и даешь! Она ужасно не любит, когда кто-то рассказывает о ней, но это такой прикол!

Дамы, собравшись в кружок, стали сплетничать. Алла Александровна была на занятии, так что можно без спешки перемыть ей косточки.

– Алла сейчас строит из себя императрицу, а пятнадцать лет назад была зеленой и неопытной. Она закончила наш университет в первом выпуске. Так вот, осталась на кафедре, затем защитила у Валентина Григорьевича диссертацию. И работала, понятное дело. Как-то спускается Аллочка зимой с Лысой горы к автобусной остановке. А уже темно, автобусы, заразы, плохо ходят, маршруток в то время еще и в помине не было. А ей надо в Красноармейский район. Это она сейчас на Тулака живет в новой квартире, которую со взяткой купила, а тогда ютилась в халупе на окраине. Едва «семьдесят седьмой» подходил, как его штурмо-

вали толпы студентов. Это Бедрова сейчас такая боевая, если надо всех своим жутким черным портфелем раздвинет, а тогда была скромница, все время в конце очереди стояла и не могла залезть в переполненный автобус. Стоит, значит, Аллочка на остановке, мерзнет, нос у нее медленно синееет. И тормозит вдруг рядом редкая в те годы иномарка. Ты же знаешь, и сейчас, и тогда люди подрабатывали частным извозом. От универа до Красноармейского двадцать с лишним километров, почему бы не подкалымить. Открывается стеклышко, и лицо кавказской национальности спрашивает нашу Аллочку:

– Слюшай, дарагая, тэбэ куда?

Наша Бедрова, радостная, что сейчас ее подвезут, своим тоненьким голоском сюсюкает:

– Ой, а мне в Красноармейск.

Мужичок ее с ног до головы осмотрел, а потом и спрашивает снова:

– А ты что, работаешь?

Наша Аллочка машет варежкой в сторону универа и говорит:

– Да, да, работаю я тут. Уже пятый год. Подвезите, будьте людьми!

А усатик ее снова спрашивает:

– И сколько возьмешь?

Аллочка наша Бедрова, понятное дело, не понимает. Обычно она должна платить шоферу, а не он ей. Но денежки-то Алла Александровна любит, вот и говорит:

– Десятку!

Дверца перед ней сразу распахивается, ее зовут в салон. А оттуда раздаются музыка и смех. Аллочка садится. А там на заднем сиденье еще два мужика. Машина тронулась. Грузинчик к ней повернулся и спрашивает:

– А если нас всех обслужить, то за тридцать согласишься?

Тут только до нашей старой девы допирает, что мужики приняли ее, пардон, за проститутку. И грузины ей деньги предлагают за то, чтобы она с ними... ну, понятно дело, что. Ее же спросили, работает ли она, она и ответила: да. Только Алла имела в виду университет, а те совсем другое. Аллочка вся помертвела, думала небось, что придется наконец на третьем десятке расстаться с девичьей невинностью. Но потом как заорет! И как бабахнет своим тяжеленным портфелем по башке мужика. А потом другого и третьего! И вопит так, что слышно ее на полкилометра. А там ведь рядом пост ГАИ... Машина сразу тормознула, мужики ее и выбросили в сугроб...

Все дружно рассмеялись, Катя улыбнулась. Кто бы мог подумать, что Аллу Александровну Бедрову приняли за проститутку. В этот момент дверь на кафедру распахнулась, в комнату промаршировала, размахивая своим знаменитым двухтонным гуттаперчевым портфелем, Алла Александровна. Она подозрительно посмотрела на веселую группку преподавательниц, затем пропищала:

– Так, коллеги, в чем, собственно, дело? Отчего такое веселье? Ипатова, чем вы занимаетесь?

Катя, хмыкнув, ответила:

– Я тут работаю, Алла Александровна.

Эти слова – намек на знаменитую фразу самой Бедровой – вызвали взрыв хохота среди молодых преподавательниц, Бедрова побагровела и закричала:

– Немедленно прекратить! Ипатова, почему у меня на столе стоят грязные чашки? Сколько раз я говорила, что мой стол – это не плацдарм для использованной посуды. Немедленно вымыть. А вы, дамы, представьте мне сейчас же список ваших публикаций за последний год. И план на новый. Я жду!

И, хлопнув дверью смежного кабинета, она удалилась. Катя подхватила поднос и отправилась мыть посуду.

Наряду с работой на кафедре она готовилась к экзаменам и думала о том, как ей будет сложно учиться в аспирантуре. Но профессор Куракин был одним из лучших специалистов по немецкому в городе, и Катя знала, что он всегда трепетно относится к своим аспирантам, помогая им в научной работе.

Незадолго до Нового года Катя столкнулась с Германом Петровичем Вараввой. Сережку Варавву, плотного увальня, который ничем, кроме бодибилдинга и сиденья в барах, не увлекался, она знала еще по школе. Он одно время даже подкатывал к Катерине, однако она отправила его несолоно хлебавши – с ним и поговорить не о чем было, и вел он себя, как истинный мачо, и кичился тем, что его отец заправляет половиной Волгограда. Сергей учился на юридическом, как и его старший брат Алексей. Тот разительно отличался от Вараввы-младшего: Алексей был одним из лучших студентов, добивался всего собственным умом, прекрасно разбирался как в современной поп-музыке, так и в искусстве эпохи Возрождения. И, кроме того, был красивым и внушающим доверие. Впрочем, Катя никогда его близко не знала.

Еще меньше представления она имела о Германе Петровиче, их отце. Знала только, что он держит в страхе почти весь город и живет недалеко от них, в выстроенном недавно современном небоскребе в огромной квартире. Пути семейств Вараввы и Ипатовых практически никогда не пересекались. Однако в том декабре они наконец-то пересеклись.

Алла Александровна велела Катерине отнести в корпус юридического факультета, где Бедрова принимала досрочный зачет по языку у студентов-юристов, несколько словарей. Сама Алла Александровна никогда бы не стала таскать такую тяжесть, имеются же лаборанты, вот пусть этим и занимаются. Катя прошла достаточно большое расстояние по бесконечным коридорам и перекрытиям, пока не оказалась в юридическом корпусе. Юрфак, в отличие от филфака, выглядел шикарно. Сразу было видно, что у руководства факультета водились лишние деньги, которые тратились на обустройство помещений.

Катя зашла в просторный зал, где студенты, видимо, вовремя заплатившие Алле Александровне, всюю списывали из учебников и тетрадей, готовясь к зачету, раздавала словари и удалилась. Она пошла обратно, на кафедру. И, заворачивая за угол, внезапно налетела на быстро идущего мужчину, одетого в дорогой костюм и белый плащ.

– Извините, – произнесла Катя. Мужчина, сначала наморщивший губы, чтобы произнести что-то явно презрительное, вдруг мгновенно преобразился, уставившись на нее. – Извините, – сказала Катя еще раз. Мужчина расплылся в улыбке и ответил:

– Ничего страшного, это я виноват. А ты же Катя Ипатова, я верно угадал?

Катерина задумалась – откуда этот важный господин, явно факультетская шишка или родитель одного из студентов, знает ее имя и фамилию? Внезапно ее осенило – конечно, это Герман Петрович Варавва! Отец Сережки.

– У меня отличная память на таких красавиц, как ты, – продолжал Герман Петрович. Он протянул Кате широкую ладонь, на его пальцах сверкало несколько перстней с крупными разноцветными камнями.

Герман Петрович обхватил ее руку, глядя Кате в лицо. Ипатова подумала, что Светка Храповалова относит таких вот мужчин в разряд «папиков» – возраст под пятьдесят, солидный и богатый. И женатый.

– Но раньше ты была девчушкой, а теперь превратилась в настоящую красавицу, – сказал Варавва. – Сколько тебе? Ага, постой, ты же училась с Сергеем в одном классе. Значит, двадцать один? Ах, уже двадцать два исполнилось! Как же я рад, что встретил тебя, Катя!

Ипатова не понимала, в чем именно заключается радость Германа Петровича. Ну, налетела она на него в коридоре, и что такого? Но он держит ее руку в своей горячей ладони и не желает отпускать.

– Ты где учишься, тоже здесь? На немецком? Похвально, похвально... Я бы хотел, чтобы и мой балбес учил языки. Вот с Лешкой у меня никаких проблем, тот так живо уже и по-английски, и по-немецки лопочет, что я диву даюсь. А вот Сережка... Беда с ним, Катя, из-за него я и здесь. У него же экзамены государственные на носу, а он разбирается в юриспруденции, как свинья в апельсинах. Лешка был лучшим студентом, а Сергей позорит наше имя. Но Катенька, где ты живешь? Да что ты, правда рядом с нами? Ясно, ясно... К сожалению, сейчас не могу с тобой задержаться, мне нужно к декану, он ждет. Хочу убедить его не выбрасывать моего оболтуса. Прощай, Катюша, до скорого!

Катя попрощалась с Германом Петровичем и пошла на кафедру. Она не предполагала, что его слова «до скорого» окажутся пророческими. Она и думать забыла о встрече с Вараввой, однако следующим вечером в дверь квартиры Ипатовых позвонили. Открыл Александр Александрович. Катя, которая в своей комнате зубрила теоретическую грамматику, услышала, как отец чему-то изумляется. Затем он появился у нее в комнате.

– Катюша, я думал, что произошло недоразумение, но это – тебе, – и он протянул ей великолепный букет белых роз. К нему же прилагался конверт с запиской. Катя прочитала и поняла – это презент от Германа Петровича, который желает продолжить знакомство. Кроме того, он приглашает ее на ужин в ресторан.

– Бред какой-то, – сказала Катя, скомкав записку. – И что это с ним?

Родители Катерины отнеслись к приглашению совершенно иначе. Мама запричитала:

– Катечка, Варавва ведь могущественный человек, он всем городом заправляет. Ну, приглашает он тебя в ресторан, и что из этого? Сходи, проветришь, нельзя же все время сидеть за учебниками и работать. Он человек солидный...

– Ага, солидный, – рассмеялась Светка, узнав о подношении Германа Петровича. – Первый в Волгограде мафиози, долларовый миллионер. Как говорится – седина в бороду, бес в ребро. Слышала я о похождениях Германа Вараввы. Он открыл элитный спортивный центр «Лариса», назвал его в честь жены. А что в нем творится! Он там устроил настоящий бордель, причем свой личный. Так что ты с ним поосторожнее, Катка. Но вообще он мужик богатый. Не упускай свой шанс! Ставь ему условия, он сразу согласится. Надо работать на перспективу!

Подумав, Катя отказалась от приглашения Германа Петровича. Прошло несколько дней, приближался Новый год. Никакой реакции от Вараввы не последовало. Катя подумала, что он о ней забыл, нашел другое увлечение. И ошиблась.

В предпоследний день старого года на кафедре, как всегда, устраивали сабантуй. Валентин Григорьевич произнес торжественный тост, затем Алла Александровна, мямля и сбиваясь, занудно и долго подводила итоги семестра. Потом началась неофициальная часть с салатами, закусками и спиртным.

Праздник был в самом разгаре, когда в помещение вошел мужчина, одетый в комбинезон.

– Кафедра немецкой лингвистики? – спросил он. – А где у вас госпожа Ипатова Екатерина Александровна?

Катя, отложив в сторону тарелку с салатом оливье, удивленно сказала:

– Это я.

– Ага, – отметил мужчина и крикнул кому-то в коридор: – Так, сюда, ребята. Осторожнее!

Из коридора два рабочих осторожно ввели на тележке что-то громоздкое и накрытое картоном. Кате было велено расписаться в получении. Она, ничего не понимая, поставила подпись, и рабочие, пожелав всем счастливого Нового года, удалились.

– И что это? – прошептал кто-то в изумлении. – Телевизор?

Телевизор и видеомагнитофон были давней мечтой кафедры, однако на их приобретение вечно не хватало денег. Катя сняла картонный верх, и все ахнули. Перед ними возвышался огромный торт. Обычно таких размеров торты показывают в кинофильмах о жизни замор-

ских богатеев. Многоступенчатый, украшенный марципанами, а наверху – надпись шоколадом: «Самой прелестной!»

– Вот это да, – проскрипела Алла Александровна. – Ипатова, у вас что, появился поклонник? И как его зовут, часом не Ротшильд?

– Билл Гейтс, – выдохнула Катя. Она поняла – это подарок от Германа Петровича. Но на кафедре торт вызовет только ненужные сплетни и кривотолки. Поэтому Катя моментально изобрела версию: – Алла Александровна, – сказала она. – У вас же в начале января день рождения. У меня тетка работает в кондитерском цехе, вот я и решила сделать вам сюрприз. И не только я, конечно, а все мы, вся наша дружная кафедра. Это наш вам подарок, милая Алла Александровна!

Бедрова, которая была готова уже устроить скандал, расплылась в златозубой улыбке, умильно закивала головой, захлопала в ладоши, восторгаясь тортом, и даже обняла Катю и прижала ее к напудренной щеке.

– Спасибо вам, коллеги, – пропищала Алла Александровна. – «Самой прелестной» – ну точно про меня! Давайте же попробуем это изумительное творение кулинарного искусства! Где моя тарелка? Но куски не – большие режьте, остатки я заберу домой!

Герман Петрович, привыкший к быстрым победам и всеобщему подчинению, было несколько удивлен странным поведением Катерины Ипатовой. Надо же, у девчонки, оказывается, есть характер! Но именно такие ему и нравились. Пресытившись, он искал острых ощущений. Бывшая одноклассница младшего сына – а почему бы и нет?

Поэтому когда Катя никак не отреагировала на его шикарный подарок – огромный торт, – Герман Петрович решил действовать напрямик. Он заявился на квартиру к Ипатовым. Дома в тот момент была только Катерина. Посмотрев в «глазок», она обомлела – перед ней возвышался господин Варавва собственной персоной.

– Катерина, открывай, – пробасил он. – Я же знаю, что ты в квартире. Мне надобно с тобой поговорить!

Катя, подумав, открыла дверь. Вряд ли ей стоит бояться Германа Петровича. Он помещался на ней, такое бывает, она слышала. Придется ему объяснить, что у них совершенно разные интересы. Их ничто не связывает! Становиться подружкой мафиози она не собиралась.

– Ну здравствуй, – сказал, проходя в узкий коридорчик, Герман Петрович. Он с презрением окинул взглядом квартирку Ипатовых.

– Живешь в такой халупе, это плохо, – заявил он. – Ничего, мы тебе новую купим. У меня денег много, ты ведь знаешь?

Катя улыбнулась. Неужели господин Варавва думает, что она польстится на его деньги? Еще несколько дней назад она вздыхала по поводу модных джинсов и красивых украшений. И теперь судьба послала ей Германа Петровича, который может скупить для нее несколько магазинов, заполненных дорогими тряпками. Хотя это ему не понадобится, он сам был владельцем многих из них. Если она согласится – или сделает вид, что согласилась, то получит дорогие презенты. Светка настоятельно рекомендовала ей не злить Варавву, тот был одним из самых могущественных людей в Волгограде. И одним из самых богатых.

– Чем угостишь? – спросил Герман Петрович, по-хозяйски проходя в гостиную. – Я бы не отказался от хорошего кофе, но у вас, как я понимаю, не водится даже и растворимого. А бурду я не пью.

Гость уселся в кресло, закинул ногу на ногу и пристально посмотрел на Катю. Та вдруг почувствовала смущение. Может быть, ее домашний наряд слишком откровенный? И с чего она взяла, что Герман Петрович не причинит ей вреда? Он ведь барин, воображает себя хозяином жизни, считает, что ему позволено все. Катя вдруг вспомнила историю про Аллочку Бедрову, а именно, как та дубасила своим тяжеленным портфелем несостоявшихся сексуаль-

ных истязателей. А чем можно огреть Германа Петровича? Ну, например, вон той хрустальной вазой, которую родители привезли из ГДР. Или нет, лучше оленьими рогами, висевшими в кладовке в качестве вешалки.

Катя улыбнулась, представляя себе батальную сцену с Германом Петровичем, и страх прошел. Варавва принял улыбку Кати за проявление радости по поводу его появления. «Владелец заводов, газет, пароходов», продолжая поедать девушку глазами, заметил:

– Учти, Катерина, я никогда никого не упрашиваю. Я просто прихожу и получаю то, что мне надо. Герман Варавва не из тех хлюпиков, которые унижаются и сюсюкают. Ты, я думаю, это понимаешь? Ну, что скажешь?

– Так вы будете кофе или нет? – спросила Катя.

Герман Петрович сказал:

– Смотрю я, ты девица не промах. Мне надоели вертлявые красавицы без мозгов. Да и жена моя, Лариска, давно меня достала. Так что предлагаю, Катерина, честную сделку. Сама понимаешь, не каждой, как тебе, выпадает в жизни такое везение.

Катя подумала с изумлением – неужели Герман Петрович подразумевает под везением знакомство с ним, ненаглядным? Похоже, что именно так.

– Ты думаешь, ко мне в постель не лезут? Да еще как прут, отталкивая друг друга. Недавно вот дочка одного важного человека сама навязывалась. Но я этого не люблю. А ты, я смотрю, совсем другая. В тебе чувствуется порода. И откуда это в тебе, Катерина? Я ведь про твою семью все знаю. Папка твой работает на агонизирующем заводе, мать вкалывает на две ставки в поликлинике. Денег вечно не хватает. За квартиру уже четыре месяца не платили. У тебя даже компьютера нет. Магнитофон, я смотрю, польская подделка, телевизор еще советских времен. В общем, деньги у вас и не ночевали.

Катя поняла, что Герман Петрович посвятил достаточно времени, чтобы разнюхать все о ней и ее семье. Видимо, у него были серьезные намерения.

– И что тебе грозит после окончания учебы? Вроде бы ты хотела идти в аспирантуру? Моему Лешке тоже предлагали, но он не пошел. Зачем? Степень ему и так купим через пару лет, а он приносит мне прибыль, так классно ведет мои фирмы, что я окончательно успокоился – настанет пора подышать, так будет кому империю передать. Вот Серега, балбес, совсем от рук отбил, понимаешь, нравится ему «дольче вита», дорогие кабаки, машины новые раз в полгода, девки бесстыжие. Думаю, что он в меня пошел, но унаследовал только самое гнилое, что во мне есть. Ну ничего, Лешка не подведет...

Катя присела на диван. Похоже, Герману Петровичу в первую очередь требовался внимательный и поддакивающий слушатель. Может, ему только этого и надо – излить душу, пожаловаться на младшего сына, а затем отбыть прочь?

– А Лариска, супруга моя, совсем белены объелась, делает одну операцию за другой, все тоще становится и моложе. И скандалы дома устраивает один за другим. Вот я и подумал – нужно сменить жену. Во всяком случае, завести себе такую девку, которая будет и красивая, и умная, и преданная. Ты именно такая, Катерина. Ты ведь честная. Честность в нынешние времена – самое страшное проклятие. Но я не хочу, чтобы меня обманывали и использовали. Согласись – и я осыплю тебя золотом и деньгами. Поверь, у меня их так много, что девать некуда. Может, я и с Лариской разведусь и тебя в жены возьму, посмотрим. Почему бы и нет? С ней я уже двадцать шесть лет вместе, надоела она мне. От прежней Ларисы, которую я когда-то безумно любил, ничего уже не осталось. А ты молодая...

Герман Петрович встал и подошел к Кате. Та подумала – а что делать, если он сейчас начнет к ней приставать? Но Варавва только тихо сказал:

– Серьезные у меня намерения, Катерина, серьезные. И не тороплю я тебя. Но сама подумай – тебе уже двадцать два. Многие твои сокурсницы в этом возрасте замужем и даже детей завели. У нас же не Запад, до тридцати пяти бобылкой не побегаешь. Упустишь свой шанс –

и потом будет поздно. А я предлагаю тебе много, очень много. И запомни – я слово держу. Может, у меня образования не хватает или этого, как его, этикета, но человек я добрый. Особенно к собакам и женщинам. согласишься – и моментально тебе квартиру куплю. И родителям твоим тоже. Видишь, не жадный я! И машину, какую пожелаешь! А что касается тряпок – так приходи в любой мой магазин и выбирай все, что захочешь. То же и с побрякушками.

Герман Петрович говорил и говорил, а Катя делала вид, что слушает его. На самом деле она смотрела в лицо мафиози и диву давалась, как это у нее еще хватает терпения сидеть рядом с Вараввой. Он же предлагает ей откровенную сделку – стать его любовницей, продаться и получить за это вознаграждение. Впрочем, со временем можно из любовниц и в жены пере-квалифицироваться. Катя знала: если сильно захотеть, то можно достичь всего. И развести Германа Петровича с его Ларисой, и женить на себе. Но зачем? Чтобы через пять лет появилась новая Катюша или Оленька, или Анжелочка? Молодая, бойкая и не теряющаяся в жизни. И тогда ее постигнет судьба предшественницы. Конечно, Герман Петрович даст ей щедрые отступные, обеспечит материально. Но ведь из замкнутого круга уже не вырвешься. Она привыкнет к деньгам и роскоши, придется продаваться снова – на этот раз уже кому-то другому. И так до выхода в тираж...

А ведь у нее есть планы! Смешные и наивные, но ее собственные. И с чего это Герман Петрович решил, что имеет право врываться так нахально и бесцеремонно в ее жизнь и диктовать условия. Он как будто заключает с ней контракт. Так это и назвал – сделкой. Она ничем не отличается для него от ста тонн металлолома или новехонькой иномарки. Чтобы заполучить ее, нужно заплатить. И Герман Петрович готов к этому.

– Я вижу, ты вся в мечтах, – пробудил ее к реальности голос Вараввы. – Что, думаешь, куда мы поедem с тобой, когда ты согласишься на мое предложение? Куда хочешь, туда и поедem! Есть у меня на Кипре небольшой домик, вилла точнее. Приобрел, так сказать, на всякий случай. Лариска о ней ничего не знает, так что мы с тобой туда и отправимся. Представляешь, там сейчас уже двадцать градусов тепла. И пляж частный, ото всех огороженный. Рай, да и только!

Варавва засобирался. Напоследок, уже стоя на пороге, он вынул из кармана светлого плаща небольшую коробочку и кинул ее на диван.

– Это тебе безделушка. Учти, у тебя таких будет навалом, когда примешь мое предложение. Но смотри, Катерина, я не люблю тех, кто меня обманывает. Если согласишься, а потом раздумаешь, то я тебя не отпущу. Ты станешь моей! И думай побыстрее. Я же говорил, что вокруг меня много ос вьется, все норовят куснуть!

Хохотнув, Герман Петрович ушел. Катя, закрыв за ним дверь, прислонилась к косяку и долго стояла, недвижимая. В самом деле, почему бы и нет? Но ведь она только что думала над тем, как избавиться от Германа Петровича. Или все же ей стоит принять его предложение? Он и в самом деле купит родителям квартиру. И отцу не придется вкалывать с утра до вечера на заводе, не получая за это ни копейки в течение нескольких месяцев. И мама сможет наконец-то поехать отдохнуть куда-нибудь к морю и золотистому песку. За счет Германа Петровича, конечно. Но ведь он готов платить.

Ей надо только решиться! Катя вернулась в комнату и взяла в руки небольшую овальную коробочку из алого бархата. Любопытство победило, и она открыла ее. Какое великолепие! Тонкая золотая цепочка с густо-синим, цвета ее глаз, каплевидным камнем в обрамлении мелких сверкающих искорок. Неужели это настоящее?

Сапфир с бриллиантами! Она никогда не держала в руках и тем более не носила подобных драгоценностей. У Германа Петровича имеется несколько крупных ювелирных салонов, наверняка этот кулон оттуда. И сколько он может стоить? Не исключено, что больше, чем вся их квартира. А для Вараввы это всего лишь безделушка, одна из многих.

Катя подошла к трюмо, включила свет. Затем, не удержавшись, поднесла к шее кулон, застегнула его. Смотрится великолепно! Она бы очень хотела оставить этот сапфир у себя, но если она его примет, то тем самым намекнет Варавве – я согласна! А согласна ли она?

Сапфир приятно охлаждал кожу. Катя и не предполагала, что камешек на самом деле такой тяжелый. Подлинный! И такой красивый, ах!

В замке входной двери заворочался ключ. Катя, переполошившись, сорвала кулон с шеи. И вовремя, потому что на пороге возникла уставшая мама, которая пришла с работы. Ей вовсе не нужно, чтобы мама видела этот подарок. Хотя если и увидит, то можно сказать, что это дешевая стекляшка, мол, Светка дала поносить, мать все равно не разбирается в подобных вещах.

Следующим же утром Катя, положив кулон в почтовый конверт, зашла в подъезд высокого дома, где обитал Варавва. Охранник не хотел пускать ее внутрь, поэтому Катя бросила конверт в почтовый ящик с табличкой «Г.П. Варавва».

Но на этот раз она знала – Герман Петрович даст о себе знать и в покое ее не оставит. Так и произошло. Он поймал ее в университете, за несколько минут до экзамена. Катя, волнувавшаяся по поводу того, сумеет ли сдать сложный предмет, увидела в темном коридоре знакомую фигуру в светлом плаще. Она в компании однокурсников стояла около аудитории. Не хватало еще, чтобы все, в том числе и Светка, ужасная сплетница, видели, как Герман Петрович любезничает с ней. Поэтому она двинулась ему навстречу. Варавва, повернувшись, последовал за ней. Они прошли в соседний корпус, Катя остановилась. Герман Петрович, улыбаясь, подошел к ней.

– Здравствуй, Катюша, – сказал он. – Вот, был по поводу моего балбеса Сережки здесь, решил и тебя навестить. Надо же, какой у вас убогий факультет. Ты же знаешь, его возглавляет моя золовка. А, ты не в курсе? Я получил твоё послание. Точнее, его получила Лариска и устроила мне очередной скандал. Но вины твоей в этом нет.

– Герман Петрович, я вам очень благодарна, но между нами ничего не может быть, – сказала Катя. – Понимаете, я...

– Не нужно слов, – прервал ее Варавва. – Я учел свою ошибку. Ты не любишь сапфиры! Я-то думал, что синий камень подойдет к твоим глазкам. Поэтому у меня для тебя еще один подарок.

Он протянул ей коробочку, машинально открыв которую, Катя обнаружила там цепочку с рубином. Беда! Варавва не желает ее понимать!

– А если рубин не нравится, то получишь изумруд или бриллиант, – сказал Варавва, и в его тоне послышались металлические нотки. – Катерина, я же говорил тебе, что добиваюсь всего, что хочу. И не смей отказываться, иначе ты оскорбишь меня. И не надо снова опускать безделушку в почтовый ящик, а то Лариса бедного охранника наизнанку вывернула, все требовала точно описать, какая именно девушка опустила конверт с кулоном. Ты ведь не желаешь мне зла, Катерина? И учти – мы с тобой вскоре пойдем в ресторан. Пора тебя в свет выводить!

– Но вы же обещали дать мне время на размышления, – сказала Катя. С чего это она взяла, что ей удастся переубедить Варавву? Он опасный человек, в местной оппозиционной прессе намекали, что Герман Петрович не чурается заказных убийств и махинаций при получении желанных кусков недвижимости. У него мэр лучший друг, а губернатор вообще собутыльник. И она хочет идти против такого зубра? Да нет, он даже не зубр, а тираннозавр или Годзилла.

– Не тороплю я тебя, Катя, – сказал Герман Петрович. – Но и времени терять не хочу. Думай! Даю срок две недели. Потом скажешь мне о своем решении. И дай тебе бог принять верное!

Он скрылся, и Катя подумала, уж не угроза ли заключается в его последней фразе. Она побрела обратно к кабинету, где шел экзамен. Мысли смешались, она не могла сосредоточиться, результатом стала «тройка». Преподаватель, который всегда знал Катю как прилежную

студентку, был несказанно удивлен ее апатией и растерянностью. Но не могла же она сказать, что виной всему Герман Петрович Варавва и его недвусмысленный ультиматум? Или виной тому она сама?

После экзамена, возвращаясь со Светкой домой, Катя спросила:

– Свет, что ты знаешь про нашу деканшу Римму?

Храповалова ответила:

– А что ты это вдруг? Ну, в общем, она стерва еще та. С английского отделения. А мужек у нее – проректор по международным связям. Римма за него недавно выскочила, долго в старых девах ходила, а потом вдруг такое счастье привалило. Потому-то Риммочку и сделали деканшей. Я слышала, она в английском вообще ничего не соображает, произношение у нее рязанское, так нет, в начальницы продвинули.

«Ага, проректор по международным связям», – отметила про себя Катя. На следующий день она, зайдя в корпус, где располагались кабинеты университетского начальства, нашла дверь с табличкой: «Проректор по международным связям, кандидат экономических наук Николай Леопольдович Шаманов».

Катя послонялась около кабинета, увидела деканшу, Римму Васильевну, худую, как жердь, даму с шиньоном и вечно кислым выражением лица, которая спешила к мужу-проректору. Катя слышала, как, зайдя, та объявила секретарю:

– Николая Леопольдовича ни с кем не соединять, у нас обеденный перерыв!

Значит, это золовка Вараввы. Получается, что Николай Леопольдович – братец его супруги Ларисы. Вот они, родственные связи, вот она, волгоградская мафия, и местный nepотизм³Непотизм – покровительство по службе родным в ущерб другим людям (<I>греч.</K>).>. Рука руку моет. Понятное дело, Герман запустил лапу и в университетские дела. Родственников на важные места расставил, потому-то его сыночка-неумеху Сереженьку и не выбрасывают, слишком папа влиятельный, и куча родичей во властных структурах универа работает.

Герман ей намекал на то, что его золовка, ведьмочка Римма, может, если Катя примет неверное решение, устроить ей «сладкую жизнь». Еще бы, Римма Васильевна и не на такое способна! А ее муж-проректор? На какую работу на факультете может рассчитывать Катя в случае отказа!

Но это вовсе не повод, чтобы принимать предложение Вараввы. Гори он синим пламенем, университет, и аспирантура вместе с ним. Лучше получить диплом и бежать как можно дальше отсюда. Ее первоначальная мысль о Москве показалась Кате здоровой. Кто такой в столице Герман Петрович? Это он здесь, в городе-герое на Волге, царь и бог, заправляет всеми делами и ворочает миллионами. А в Москве он мало кому известен, и влияния у него там нет. Она скроется в многомиллионном мегаполисе от домогательств сластолюбивого мафиози. Сейчас середина января, ей бы продержаться несколько месяцев, и потом – ищи-свищи ее.

Катя повеселела, однако в голове подспудно тлела мысль о сроке, который назначил ей Герман Петрович. Она намекнет ему, что вроде бы согласна, но сначала нужно закончить университет. Она и закончит его, получит диплом – и прощай, Герман! Прямо в тот же день уедет в Москву. А родителям он ничего не сделает.

Только потом Катя убедилась, какими наивными были ее рассуждения. В предпоследний день января, когда истек двухнедельный срок, отведенный ей на думы Германом Петровичем, Катя затаилась дома. Несколько раз звонил телефон, потом кто-то долго и настойчиво трезвонил в дверь. Она просто не откроет – и дело с концом!

Вечером все стихло. Катя легла спать радостная. Герман Петрович забыл о ней! Он нашел новую жертву! Или сам стал жертвой притязаний какой-нибудь прыткой особы. Резкий, как

удар сабли, звонок в дверь переполошил все семейство. Катя взглянула на часы – половина второго. Отец подошел к двери и спросил:

– Кто это?

– Открывайте, – услышала она голос Германа Петровича. – Это Варавва!

Александр Александрович непонимающе уставился на жену, которая, кутаясь в байковый халат, с бигудями в волосах, стояла рядом, в коридоре.

– Что вам надо? – спросил Ипатов. – Сейчас половина второго ночи, к чему этот поздний визит?

Дарья Гавриловна замахала руками на мужа и прошептала:

– Это же тот самый Варавва, который весь город держит. Саша, уймись!

– Открывайте! – Дверь задрожала под ударами. Видимо, Герман Петрович колотил в нее увесистым ботинком. – Мне надо поговорить с вашей дочерью!

– Вам не о чем говорить с моей дочерью, – отрезал Александр Александрович. – А если не прекратите безобразие, я вызову милицию. Даша, – распорядился он, – набирай «02» и скажи, что у нас в подъезде пьяный хулиганит. Пусть приедут и разберутся!

– У меня вся милиция куплена! – загрохотал Варавва. – Так что это ничего не даст! Катя, ты меня слышишь? Прошли твои две недели, я жду ответа!

– О чем это он? – Дарья Гавриловна, которая и не подумала звонить в милицию, повернулась к дочери. – Катенька, что он имеет в виду?

Ипатов тем временем сходил на кухню и вернулся к двери с тяжеленным топором. Он был готов к решительным действиям.

– Да я сейчас этого буяна по башке, – сказал он. – Почему у нас, не как в Америке, если кто проникает на твою территорию, ты имеешь право его убить, и никаких последствий!

– Папа! – вскрикнула Катя и повисла на руке отца. Затем приказала Дарье Гавриловне: – Немедленно уведи его в комнату. Я поговорю с Вараввой. И умоляю, не мешайте мне. Он сейчас уйдет. Только не позволяй отцу вылезти с топором!

Дарья Гавриловна увела мужа, Катя, вздохнув, открыла дверь. В коридор ввалился пьяноватый Герман Петрович.

– Наконец-то, – произнес он. – А то я уж подумал, что вы через балкон драпаете. Ну что, Катерина, ты приняла решение?

Катя, желая, чтобы Варавва ушел как можно быстрее, сказала:

– Да, приняла.

Она и в самом деле решила – уехать в Москву после получения диплома. Но Герман Петрович интерпретировал ее слова по-своему. Он подумал, что Катя согласна.

– Молодчина, – он потрепал ее рукой по щеке. – Я всегда знал, что ты умничка. В общем, на днях идем в ресторан. Все детали сообщу завтра или послезавтра. Готовься, Катенька, нужно тебя представить почтенному волгоградскому бомонду.

Он удалился. Катя закрыла дверь, чувствуя, что вся дрожит. И вовсе не от холода, проникшего из подъезда, а от непонятного ужаса, который терзал ее. Ладно, сходит она с Вараввой в ресторан, но ничего более!

– Катя, объясни, наконец, в чем дело, – в коридор влетел Александр Александрович. – Что этому бобру нужно от тебя? И почему он вваливается к нам в дом ночью.

– Это больше не повторится, – сказала твердо Катя. – Обещаю тебе, папа. Герман Петрович вообразил, что я отвечу на его ухаживания, но я ему четко объяснила, что он ошибся адресом. Он все понял и никогда больше не станет нам надоедать.

О, как бы ей хотелось, чтобы это было правдой! Но родителям вовсе не обязательно знать все детали. Пусть думают, что все позади!

Герман Петрович позвонил Кате, та, ожидая его звонка, сама сняла трубку. Он пригласил ее в самый шикарный ресторан города, в «Волгоград». Катя ответила согласием. Родители не

должны ничего знать. Она сказала им, что отправилась на день рождения к Светке, а ту попросила прикрыть ее в случае, если родители будут звонить. Заняв у Олеси Тарасовой шубку, Катя ждала Германа Петровича у подъезда. Уже стемнело. Вот и его «Мерседес».

– Привет, Катерина, – сказал Варавва, сразу кладя девушке руку на коленку. – Рад, что ты образумилась. Я понимаю, у тебя кровь играет, гордость на дыбы встает. Но ничего, ты приняла верное решение. В общем, сейчас в ресторан, а потом – посмотрим!

Именно этот вечер и завершился трагедией. Германа Петровича Варавву убили. А Екатерина Ипатова стала свидетельницей этого преступления.

Сидя в холле гостиницы, Катя думала о том, что произошло с ней за последние недели. Вот и разрешилась ее проблема. Германа Петровича не стало. И никто больше не заявит к ней в половине второго ночи, никто не станет ломиться в дверь. Она может спокойно перевести дух, готовиться к госам, которые назначены на первую половину марта, и потихоньку заниматься дипломом. Кто знает, может быть, теперь не придется бежать в Москву, и она поступит в аспирантуру к профессору Куракину. Жизнь нормализовалась!

Как жестоко ошибалась Катя! Она и понятия не имела, что за сцена разыгралась вскоре после пышных похорон Германа Петровича у него в квартире, которая занимала пол-этажа в шикарном небоскребе. Варавву погребли на центральном кладбище, в секторе, где лежали защитники Сталинграда, полководцы, а также местные деятели культуры. Алексей заплатил огромную сумму за почетное место на погосте. Пара газет пошумела, называя это святотатством и надругательством над памятью героев – крестного отца мафии хоронят рядом с павшими воинами. Но возмущение быстро сошло на нет...

Лариса Леопольдовна Варавва, в девичестве Шаманова, изящная брюнетка неопределенного возраста, чем-то неуловимо напоминавшая персидскую шахиню Сорайю (этого сходства она достигла путем нескольких пластических операций), созвала семейный совет. Лариса Леопольдовна знала – после неожиданной смерти мужа все дела перейдут к ее старшему сыну Алексею. Тот, и это было общеизвестно, наследовал империю Германа Петровича. Алексей, которому едва исполнилось двадцать шесть, уже успел зарекомендовать себя как удачливый бизнесмен, пронырливый интриган и не останавливающийся ни перед чем юный мафиози. В отличие от отца он производил на окружающих приятное впечатление – Алексей Варавва был человеком другой формации, избегал культивирования силы и даже намека на причастность к мафиозному клану. Наоборот, он изображал из себя полиглота-бизнесмена, который чтит закон и готов играть по правилам. Благодаря такому имиджу он мог очаровывать людей, подминать их под себя – и обогащаться. Герман Петрович гордился сыном и был уверен, что тот не только сохранит, но и увеличит его волгоградскую империю. Варавва-отец втайне надеялся, что его отпрыск сумеет рано или поздно выйти на федеральный, а то и на международный уровень. А ведь там совсем другие ставки, несоизмеримо больше, чем в захолустной провинции...

Алексей, который сумел после убийства отца утвердиться в роли его преемника и с успехом пресечь попытки конкурентов растащить империю Вараввы, поддержал идею семейного совета. В нем приняли участие несколько самых близких людей, младший брат Алексея Сергей, брат Ларисы Леопольдовны, проректор по международным связям университета Николай Леопольдович, его супруга Римма Васильевна, а также сестра Германа Петровича Валерия, которая возглавляла департамент мэрии по финансовым вопросам, и ее муж Андрей Сычов, вице-директор нефтеперегонного завода.

Совет проходил в огромном, площадью почти в сто квадратных метров, зале квартиры семейства Вараввы. «Вдовствующая императрица» Лариса, облаченная во все черное – ее любимый цвет, – переливаясь ослепительными бриллиантами, сидела в томной позе в кресле, которое раньше во время подобных мероприятий занимал ее муж. Алексей предоставил матери

возможность играть роль номинального босса, хотя все, и Лариса Леопольдовна в том числе, знали, что решения здесь принимает только один человек – Алексей.

Алексей Варавва, в черном стильном костюме, стоял около матери. Его брат Сергей, который никак не мог прийти в себя после ужасного похмелья по поводу девяти дней с момента смерти отца, сидел на кожаной софе, накачиваясь водкой, смешанной с томатным соком. Сергей во всем доверял брату, всегда его поддерживал и отвечал за создание крутого имиджа, запугивая конкурентов и недовольных.

Шамановы – проректор и его супруга – сидели рядом с младшим племянником, а в двух других креслах обмякли Валерия и Андрей Сычовы.

– Ну что ж, я думаю, мы можем начать, – произнесла грудным голосом Лариса Леопольдовна. Она сделала изящный жест, и ее запястье сверкнуло радугой – массивный старинный браслет с бриллиантами отразил свет нескольких ламп.

– Пусть говорит Алексей, – сказал Андрей Сычов, плотный краснолицый субъект. – Ведь он здесь главный!

– Но я ведь жена Германа! – заломила руки склонная к театральности Лариса. – Хорошо, Алеша, говори.

Алексей произнес спокойным голосом:

– Мы не будем спорить, кто из нас главный, мама. Сейчас это не самое важное. После трагической гибели... после подлого убийства отца мы должны держаться вместе. И в первую очередь выяснить, кто за этим стоит. Я провел уже небольшое расследование и установил, что наш конкурент, Миша Немчук, давно собирался лишиться нас власти. Вы все помните соглашение, которое заключил с ним отец год назад о разделе сфер влияния. Однако Мише этого, похоже, показалось мало. Я уверен, что в убийстве отца замешаны именно его люди. И он за это ответит...

Михаил Немчук, еще один местный мафиози, был чрезвычайно опасным конкурентом семейства Вараввы.

– Однако начинать войну сейчас бессмысленно. Немчук был на похоронах отца, выглядел потрясенным, даже венки возложил на могилу. Но это не более чем игра. Прямых доказательств у нас пока что нет...

– Да он это, он, кто же еще, – подал голос Сергей Варавва. – Мочить его надо, Лешка, я сам готов ему за папку глотку перегрызть...

– Не смей, – прервал его Алексей, и в его голосе прозвучал металл. – Сергей, запомни, сейчас мы у всех на виду. За нами очень внимательно наблюдают, и стоит нам оступиться, как орава конкурентов и ментов набросится на нас. Немчук свое получит – не теперь, а позже. Главное – не позволить ему и другим желающим разрушить империю отца...

Разговор перешел в сугубо деловое русло. Каждый из присутствующих докладывал о том, как обстоит семейный бизнес во вверенной ему области. Герман Петрович Варавва умудрялся зарабатывать деньги на всем. И его родственники были готовы продолжать этот почин.

– Алексей! – Лариса Леопольдовна прервала громким вздохом фразу сына. – Я хочу знать – с кем был Герман, когда его убили? Отвечай!

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь сопением проректора университета и вице-директора завода.

– Чего вы все молчите! – вскрикнула вдова крестного отца. – Вы же знаете правду! И я тоже! Герман был с очередной своей девкой! Это она во всем виновата! Если бы он не пошел с ней в ресторан, то его бы не подкараулили и не убили! Эта девка наверняка работает на Немчука!

– Мама, успокойся, – сказал Алексей. – Девушка тут совершенно ни при чем. И ни на кого она не работает, я это сразу же проверил. Да, отец был с ней в ресторане, но ты ведь сама знаешь, что он...

– Что я знаю! – опять заломила руки Лариса. – О том, что он с ней роман крутил и меня бросить хотел, говорят по всему Волгограду! А я, его законная жена, обо всем узнала чуть ли не перед самым разводом!

Присутствующие поняли, что Лариса начинает очередной спектакль. Видимо, она тщательно готовилась к этой сцене.

– Я ничего не знала! Эта девица, Катя, кажется, ее зовут, преследовала моего мужа! Герман был таким беззащитным, все эти нахалки впивались в него! Девчонка должна понести наказание!

– Но за что? – спросил Алексей. – За то, что она стала невольной свидетельницей смерти отца? Его хотели убить, этим занимались серьезные люди, стрелял ведь из винтовки с оптическим прицелом профессионал. А это значит, мама, что его убили бы если не у ресторана, то в любом другом месте. Он был обречен. Так что Катерина здесь совершенно ни при чем. Она скорее жертва...

– Ага, ты защищаешь эту распутницу! – закричала Лариса Леопольдовна. – Коля, – обратилась она к брату. – Ну скажи хоть что-нибудь! Эта мерзавка учится у тебя в университете!

Николай Леопольдович Шаманов, высокий и сутулый субъект в толстых роговых очках, промямлил что-то нечленораздельное. Вместо него ответила его супруга:

– Лариса, Алеша прав, оставим девчонку в покое. Черт с ней, она рано или поздно свое получит. Кажется, Алексей, ты говорил о делах в казино...

– Вы все сговорились! – вздохнула Лариса. – Или ты, сын мой, тоже втюрился в эту дурочку? Не желаете меня слушать! Ну и не надо!

Лариса Леопольдовна гордо поднялась и, ни на кого не глядя, покинула зал.

– Мама немного не в себе, – сказала Алексей. – Еще бы, такой нервный стресс... Вот и пытается найти виноватых. Хотя эта девушка, Катя, действительно не причастна к смерти отца. Ну что ж, продолжим....

Деловой разговор возобновился, и семейство Вараввы принялось обсуждать новую стратегию руководства империей покойного Германа Петровича.

Вечером того же дня Лариса Леопольдовна тайком от старшего сына позвонила Римме Шамановой.

– Риммочка, ты же меня понимаешь, – сказала она, нежась в мраморной ванне, заполненной разноцветной пеной. – И я знаю, что у тебя есть власть. Ты заведешь факультетом, где учится эта Катерина Ипатова. Я кое-что про нее узнала. Герман хотел даже бросить меня и, возможно, жениться на этой потаскушке. Я уверена – ему эту Катю подсунули как наживку, тот же Миша Немчук. Хотел, чтобы она вошла к нему в доверие, они бы заключили брак, Герман завещал бы ей все, а потом бы его убили. И в итоге Миша получил бы контроль над всеми нашими активами...

– Может быть, – туманно ответила Римма Васильевна. Из своего университетского опыта она знала: никогда не стоит прямо отвечать «нет», как, впрочем, и «да».

– Германа нет, но девчонка-то жива, – продолжала Лариса. – И я хочу, чтобы она понесла заслуженное наказание. Ради Германа, ради моего дорогого мужа! У нас с ним были разногласия, но я так его любила...

Римма Васильевна подумала, что еще больше Лариса любила деньги Германа. Она и сама вышла за брата Ларисы не по большой любви, а для того, чтобы получить доступ к власти и финансам.

– Римма, помоги мне, – сказала Лариса. – Ты с Колей – большие люди в университете, сделайте так, чтобы девчонка... Чтобы ее вышибли оттуда немедленно! Чтобы ее арестовали! Чтобы...

– Лариса, милая, ты явно переоцениваешь наши возможности, – холодно возразила Римма Васильевна. – Ты думаешь, я просто могу взять и отчислить эту Катю? А потом она

подаст на меня в суд, ее восстановят, и отвечать за весь цирк надо будет мне. Напомню тебе, дорогая, что декан – выборная должность, а у меня перевыборы в следующем году. И такого промаха коллеги мне не простят. А Коля вообще под огнем, он же проректор, за каждым его шагом пристально следят!

– Римма, чего ты хочешь? – без обиняков спросила Лариса. – Я же понимаю, ты желаешь получить какую-то компенсацию. Так я за ценой не постою! Только прошу – сделай так, чтобы девчонке не поздоровилось! Мне плевать, виновата она в гибели Германа или нет. Но она была рядом с ним, когда его убили. Не я, законная жена, мать его сыновей, а эта шлюшка! Отчисли ее за аморальное поведение, за проституцию!

– Ну Лариса, – неприятно рассмеялась Римма. – Мы же не при коммунизме живем, кто с кем спит – сейчас всем на это наплевать. И то, чем студенты занимаются в свободное от учебы время, никому больше не интересно. Да и Катя эта никакая не проститутка, ты же лучше меня знаешь. Это Герман ее домогался. Она не отличница, но никаких оснований отчислять ее из университета нет, тем более в середине пятого курса, за два месяца до государственных экзаменов.

– Ага, ты уже про нее кое-что выяснила, – удовлетворенно заметила вдова. – Значит, понимаешь, что я не шучу. Итак, Римма, что тебе надо?

– Если хочешь, чтобы девчонка с треском вылетела из универа, то тебе придется заплатить, – сразу по-деловому сказала Римма Васильевна. – Я хочу получить контроль над казино «Арабелла», а также ночной клуб «Корона».

– Согласна! – быстро ответила Лариса. – Я сумею убедить Лешку, чтобы именно его дядя Коля стал там главным.

– Но это еще не все, – продолжала Римма. – Лорочка, у тебя такие шикарные бриллианты. Они мне очень нравятся... Я бы не отказалась от того комплекта, в котором ты была на похоронах. И рубиновое кольцо мне тоже к лицу. И гарнитур из топазов...

Лариса заскрипела зубами. Римка зарится на ее драгоценности! Одно дело какие-то там казино и ночные клубы, которых у них и так пруд пруди, а другое – свои личные вещи, причем любимые и очень дорогие.

– Ты не согласна? – осведомилась в замолчавшую трубку Римма. – Но тогда и я не могу тебе помочь. Понимаешь, если нам с Колей подставиться, то я должна быть уверена, что у нас есть за это компенсация.

– Ты получишь топазы и рубины, но бриллианты я тебе не отдам, – ответила Лариса. – Ты с ума сошла, они же такие дорогие, начало девятнадцатого века! Да им цены нет, ни у кого в Волгограде ничего подобного и в помине не имеется!

– Вот я и хочу, чтобы эти брьюлики были у меня, – гнула свое Римма Васильевна. – Но на нет и суда нет. Тогда пока, дорогая.

– Согласна, – злобно произнесла Лариса. – Ты их получишь, но только в том случае, если девчонку, эту Катю, вышибут из универа немедленно. И мне нужен скандал! Огромный скандал! Смрадный! Ты поняла, Римма? За бриллианты ты должна потрудиться!

– Не беспокойся, Лорочка, – заверила ее Римма Васильевна. – В конце концов, у меня с Колей большая практика на поприще интриг в родном университете. Я обещаю тебе, Катя Ипатова станет персоной нон-грата в Волгоградском университете. Она собирается в аспирантуру к Куракину, ну так ей придется изменить планы!

Лариса погрузилась с головой под воду. Римма сделает все наилучшим образом! Она знала: жена ее брата та еще стерва! Да и братец Коля тоже не промах! Так что Катке достанется!

Катерина же Ипатова и не подозревала, что над ее головой сгущаются грозовые тучи. Вернее было бы назвать это даже не тучами, а тайфуном, Эль Ниньо, ураганом столетия. Потому что Лариса Варава никогда и никому не прощала обид...

На следующий день в кабинет к декану филологического факультета Шамановой была вызвана доцент кафедры немецкой лингвистики Алла Александровна. Бедрова, войдя в деканат, сразу же бросилась к секретарше, мясистой нагловатой Вике, с вопросом:

– Викушенька, что случилось, к чему такая срочность, ты не знаешь?

Вика, на секунду оторвавшись от телефонного разговора с подругой, пожала плечами и хитро улыбнулась в ответ:

– Понятия не имею, Алла Санна. Но там еще и Николай Леопольдович. Знаю только, что они вас ждут для серьезного разговора. Вроде бы насчет распределения ставок в следующем семестре...

Алла Александровна немного успокоилась. Ну что ж, если деканша хочет получить свою часть с взяток, то это вполне закономерно. Но тогда зачем приперся ее муженек-проректор? Алла Александровна, натянув на лицо одну из своих сладких мин, постучала в дверь.

– Войдите, – раздался голос Риммы Васильевны. Алла Бедрова проскользнула в небольшой кабинет. Так и есть, Римма сидит в вертящемся кресле за массивным столом, рядом с ней возвышается ее муж. Вид у обоих весьма зловещий.

– Добрый день, Алла Александровна, – произнесла Римма. Затем сняла трубку внутреннего телефона и сказала секретарше Вике: – Можешь пока сходить в столовую, милочка. Да, да, именно сейчас. И не торопись. Уходя, закрой деканат на ключ. У нас серьезный разговор, и я не хочу, чтобы нам мешали.

Дождавшись, пока хлопнет дверь, Римма объяснила Алле Александровне:

– Вика слишком любопытная особа, может еще и под дверь послушать. А то, о чем мы будем с вами говорить, строго конфиденциально.

Бедрова напряглась. В чем же дело? Обычно, когда разговор ведется о выплате деканессе процента с крупных взяток, это не обставляется такой секретностью.

– Алла Александровна, – отчеканила Римма. – Вы знаете, что через полгода, в начале осени, предстоят выборы нового заведующего кафедрой немецкой лингвистики. Той самой кафедрой, где вы работаете и которую на данный момент возглавляет профессор Куракин.

Алла поддакнула. О выборах она, конечно, знала, но разве это что-то меняет? Разумеется, переизберут Куракина. Профессор, доктор наук, известный ученый, он был единственной достойной кандидатурой.

– Руководство факультета недовольно работой Куракина, – продолжила Римма. – Кафедре требуется новый руководитель. Тот, кто сумеет поставить локомотив кафедры на рельсы современного развития лингвистики. Куракин уже стар для этого. Он на это неспособен. Нужны новые силы!

Алла опять поддакнула. Еще бы, она тоже часто думала об этом. Но свалить Куракина сложно, почти невозможно. Хотя если Римма собирается его убрать... Но кто займет его место?

– То, что Валентин Григорьевич не будет выдвигаться в заведующие кафедрой этой осенью, вопрос уже решенный, – принял эстафету Николай Леопольдович. – Он еще ничего не знает, но Римма Васильевна скоро ему об этом сообщит. Он, наивный чудака, надеется на то, что его переизберут! Куда там! Время Куракина прошло. И настало ваше время, Алла Александровна!

– Да, да, вы не ослышались, – произнесла Римма. – Я... руководство факультета и университета решило, что именно вы должны стать следующим заведующим кафедрой. Вы компетентный специалист, кандидат наук, доцент, молодая умная женщина, которая разбирается в современных веяниях лингвистики. Вы станете достойной заменой старику Куракину. Вы, надеюсь, согласны, Алла Александровна?

Бедрова, которая, не веря своим ушам, маково рдела от неожиданно свалившегося на ее голову счастья, пискнула:

– Я готова принять бремя ответственности, которое возлагает на меня руководство.

– Отлично, Алла Александровна, – сказала Шаманова. – Но вы понимаете, что, кроме вас, есть еще несколько потенциальных кандидатов. Например, Ирина Семеновна Зализняк. Или Наталья Борисовна Бульдожкина, так сказать, восходящая звезда кафедры. Тоже весьма и весьма перспективная молодая дама, защищалась, как вы знаете, в Москве, в МГУ...

– Зализняк – набитая дура, – заявила Алла, понимая, что Римма перечисляет фамилии других возможных претендентов, преследуя какую-то тайную цель. – Да и старая уже. А Бульдожкина – слишком молодая, она даже не доцент, да и защитилась всего год назад.

– Вы правы, – отреагировал Николай Леопольдович. – Поэтому мы и остановили свой выбор на вас. Но в любом случае вы видите, что на место заведующего кафедрой могут претендовать и другие. И вы должны оправдать наше доверие и доказать, что готовы к серьезной и плодотворной работе!

Теперь Алла поняла – Римме и ее мужу требуется от нее какая-то услуга. Но какая именно? Она сделает все, что они прикажут, лишь бы занять вожаемое место. А Куракина, своего научного руководителя по кандидатской диссертации, можно и в угол задвинуть, и сеточкой от мух накрыть...

– Я вижу, вы все поняли, – удовлетворенно заметила Римма. – Вы же умная женщина, Алла Александровна, не зря мы выдвигаем и всемерно поддерживаем именно вашу кандидатуру. Я обещаю – вы станете этой осенью заведующей кафедрой, но... Но для этого вы должны помочь нам с Николаем Леопольдовичем в одном весьма щекотливом деле.

– Разумеется, какие могут быть вопросы, – облегченно вздохнула Алла. И так, ее кандидатура утверждена! – Я всегда буду на вашей стороне, Римма Васильевна!

– Надеюсь, что это так, – сказала деканша. – На вашей кафедре работает лаборанткой некая Екатерина Ипатова. Что вы можете сказать про нее?

Алла по тону поняла, что Римме требуются негативные сведения о Кате. Поэтому она принялась вываливать жареные факты:

– Ленивая, наглая, туповатая. Все время пьет чай и гогочет, толком ничем не занимается. Сплетница ужасная. Разлагает коллектив. Как только я стану заведующей кафедрой, немедленно ее уволю!

– До этого еще далеко, голова Ипатовой нужна нам сейчас, – сказал Николай Леопольдович. – Она очень грязно поступила с мужем моей сестры, Ларисы Леопольдовны Вараввы...

Упоминание фамилии всемогущего и недавно застреленного мафиози нагнало на Аллу Александровну страха. Боже, с такими людьми, как Римма и ее муж-проректор, шутить не стоит.

– И она должна понести за это наказание. Причем по всей строгости, – рывкнула Римма Васильевна. – Куракин, этот упрямый старец, ни за что не уволит Ипатову. А ждать полгода нам не с руки. Вы должны сделать так, чтобы эту девчонку выбросили из университета...

– Но как? – выдохнула Алла Александровна. – Как именно? Что я могу предпринять?

– Мы с Николаем Леопольдовичем уже разработали план, – сказала Римма. – Сейчас мы вас ознакомим с ним. Вы поступите в строгом соответствии с этим планом. А за это осенью вас изберут заведующей кафедрой. И учтите – что бы ни случилось, вы должны держать язык за зубами. Иначе...

Алла Александровна судорожно сглотнула и кивнула. Конечно, она не станет связываться с Риммой, Шамановым и их могущественными родичами из мафиозного клана. Ее взгляд упал на проректора. Его улыбка напоминала оскал черепа, он поигрывал золоченым ножичком для разрезания бумаг.

Бедрова кашлянула и прошептала:

– Слушаю вас, Римма Васильевна. Я сделаю все, как вы скажете. И буду нема, словно могила...

– Эта метафора мне нравится, – сказала Римма Васильевна и начала излагать Алле Бедровой свой замысел.

Спустя четыре дня состоялось заседание кафедры немецкой лингвистики, которое, как обычно, происходило в третий понедельник месяца в пятнадцать ноль-ноль. Наряду с повесткой дня все смаковали радостное событие – выплату зарплаты. Общественный кассир кафедры, старшая преподавательница Птичкина, суетясь, говорила направо и налево:

– Деньги после заседания, после заседания!

Весь состав кафедры собрался в соседней аудитории. Задержалась только Алла Александровна. Убедившись, что в помещении никого, кроме нее, нет, она подошла к старенькому сейфу, выудила из ящика стола Куракина ключ, отомкнула сейф, вынула пухлую пачку денег – зарплату сотрудников. Потом хихикнула, закрыла железный шкаф, ключ снова положила на место. А пакет с деньгами сунула в сумочку Кати Ипатовой. Ну вот, все прошло отлично! Когда Птичкина обнаружит пропажу, Алла сама настоит на обыске – и украденное найдут у Ипатовой. Что будет! И как только Римма с проректором додумались до такого! Катю немедленно выбросят из универа, она даже и диплом получить не сможет, и ни о какой аспирантуре тогда не будет и речи. Ворам места в университете нет!

Закрыв кафедру, Алла Александровна присоединилась к коллегам.

Заседание прошло, как обычно. Настал торжественный момент выплаты заработной платы.

– Я сейчас принесу деньги, они в сейфе, – сказала Птичкина. Со всклокоченными седыми волосами, в длиннополой вязаной кофте, она и вправду походила на старую суетливую ворону. Птичкина упорхнула, пошли томительные минуты ожидания.

Вскоре кассир, дрожа и причитая, ворвалась в аудиторию с криком:

– Денег в сейфе нету!

– Как это нет? – изогнул брови профессор Куракин. – Надежда Ивановна, вы уверены, что клали их в сейф? Посмотрите, милая, у себя в сумке! И не пугайте нас так!

Птичкина снова унеслась, вернулась с большой хозяйственной котомкой, вывернула ее содержимое на стол. Там было все, что угодно, но только не деньги.

– Я прекрасно помню, что положила пачку в сейф, – чуть не плача, причитала Птичкина. – А ее там нет! Деньги украли!

Если сначала все думали, что Птичкина просто затеряла деньги, то теперь работники кафедры с недоверием уставились на бедную женщину.

– Если они пропали, мне придется возмещать все из собственного кармана, – в полуобморочном состоянии твердила Птичкина. – Но у меня столько нет, я никогда не расплачусь! Ах, моя стенокардия, так сердце щемит! – И Птичкина схватилась за грудь, но почему-то с правой стороны.

– Успокойтесь, – распорядился профессор. – Катюша, принеси Надежде Ивановне воды. И сохраняем ясную голову. Деньги, конечно, никто не крал. Сейчас мы все пойдем на кафедру и попытаемся отыскать их. Я уверен, они лежат в сейфе, вы просто их не заметили!

Но денег в сейфе не оказалось. Не было их и ни в столе профессора, ни в кресле, ни где-то еще. Алла Александровна Бедрова воскликнула:

– Надежда Ивановна права, мы имеем дело с кражей. И это мог сделать только кто-то из нас! Давайте смотреть правде в глаза!

– Алла Александровна, – укоризненно покачал головой профессор Куракин. – Как вы можете подозревать членов нашей кафедры в таком преступлении...

– А что остается делать! – возразила Бедрова. Она сняла трубку внутреннего телефона и, позвонив на вахту, попросила охранника подняться к ним. Тот не замедлил появиться – спортивный мужчина лет сорока в камуфляжной форме.

– У нас пропала крупная сумма денег, – объявила Алла. – И мы уверены, что ее украл кто-то из здесь присутствующих. Никто посторонний сделать это не мог. Где лежит ключ от сейфа, знали все. И Надежда Ивановна уверена – до начала заседания деньги были в сейфе. А исчезли они, значит, в то время, пока мы заседали. Кто выходил из аудитории?

Все посмотрели на Катю – именно ее Алла Александровна вскоре после начала собрания попросила сходить на кафедру и принести распечатки со своего стола.

– Вы, Ипатова, – констатировала Бедрова. – Но это ничего не значит. Не пойман – не вор. Поэтому я и пригласила товарища с вахты, чтобы он, как непредвзятый свидетель, смог помочь нам с обыском. Да, да, с обыском! Кстати, я готова первой вывернуть свою сумку. Я ничего не крада и мне нечего бояться!

Алла Александровна продемонстрировала охраннику содержимое сумочки. Несколько учебников, пара тетрадей, губная помада, носовой платок, портмоне. В карманах пальто Бедровой нашлись только варезки.

Профессор Куракин, который был против обыска, оказался в гордом одиночестве. Остальные члены кафедры шумно поддержали идею Бедровой. Все были уверены в собственной невиновности и желали получить зарплату.

– Какая же я растяпа, – подвывала Птичкина. – Я никогда не расплачусь, боже мой, дайте мне валерьянки! У меня так болит сердце, у меня аритмия и стенокардия, я сейчас умру!

Охранник заглядывал в сумки преподавательниц. Ни у кого не обнаружилось пакета с деньгами. И вот остались только Катя и Женя – две кафедральные лаборантки.

– Ипатова, покажите свой ридикюль, – сказала Бедрова. – Если деньги не найдутся, то придется вызывать милицию. Вор должен сидеть в тюрьме!

Охранник привычным жестом вывернул сумку Кати на стол, и все ахнули – оттуда вылетела завернутая в прозрачный полиэтиленовый пакет пачка купюр.

– Катя, деточка, – смешно заморгал профессор Куракин, в ужасе глядя на неопровержимое доказательство. – Как же это...

– Она украла! – взвизгнула Птичкина, сразу забывая о своей стенокардии и сердечной аритмии. – Катька, мерзавка, украла!

– Итак, Ипатова, значит, именно вы совершили сей подлый поступок, – сурово произнесла Бедрова. – Какая низость, на нашей кафедре раньше такого никогда не было! Вы надругались над нашим доверием и плюнули всем в душу! Позор вам, мелкая воровка!

Катя почувствовала, как горячие слезы бегут у нее из глаз.

– Я ничего не брала, – произнесла она. – Это страшное недоразумение.

– Ага, деньги к тебе сами на куриных ножках прибежали и в сумку залезли, – заметил кто-то желчно. – Лучше колись, Ипатова, а то хуже будет!

– Я ничего не брала! – твердо сказала Катя и вдруг зарыдала.

Александр Александрович Ипатов, которого плачущая Катя попросила срочно приехать в университет, по телефону ничего не понял из сбивчивых объяснений дочери.

– Какие-то деньги, заседание кафедры, обыск, – сказал он встревоженной жене. – Кате нужна моя помощь. Нет, Дарья, ты останешься дома, там необходима трезвая голова.

Приехав в университет, где остались Катя, профессор Куракин и Алла Александровна Бедрова, Ипатов застал дочь в истерике. Ее обрабатывала Алла.

– Скажи правду, признайся, и станет легче, – приставала она к девушке. – Это ведь ты украла, никто больше не мог! И деньги у тебя нашли...

– Папа! – бросилась на шею отцу Катя. – Они все думают, что я украла деньги, но, клянусь тебе, это ошибка. Я ничего такого не делала!

Александр Александрович, кратко ознакомившись с фактами, заявил:

– Моя дочь не воровка. Раз она утверждает, что не брала деньги, значит, так оно и есть!

– Но эмпирические факты, – сконфузившись, бормотал профессор Куракин. – Деньги нашли у нее в сумочке...

– Их могли и подкинуть, – сказал Ипатов. – У нас на заводе лет семь назад был случай – пропадали в раздевалке то часы, то деньги, то папиросы. И вдруг нашли у одного нашего коллеги в ящике несколько ранее украденных вещей. Ну все, думаем, поймали вора. Его чуть не прибили. А потом с поличным застукали одного тихого мужичонку, который всех обчищал. Он таким образом решил от себя подозрение отвести и невинного подставить.

– Да кому ваша дочка нужна! – запальчиво воскликнула Алла Александровна. – И вообще, я смотрю, яблоко от яблони недалеко падает. Это, товарищ Ипатов, не вас случайно с поличным взяли? Не вы ли вещички у заводчан тибрили?

До этого Алла доложила Шамановой об удачном проведении операции по опорочиванию Ипатовой. Деканша осталась очень довольна и заверила, что место заведующей кафедрой Бедровой обеспечено.

– Попрошу без инсинуаций, – отрезал Александр Александрович. – Если это кража, то я требую подключить к делу милицию. Моей дочери, которая совершенно не виновна в произошедшем, бояться честного расследования нечего. А то что это у вас за самодеятельность – доморощенные обыски, выворачивание сумок, чуть ли не суд Линча. Если Катя на самом деле украла, то получит по заслугам и отправится в тюрьму. Но она невиновна! Ее подставили!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.